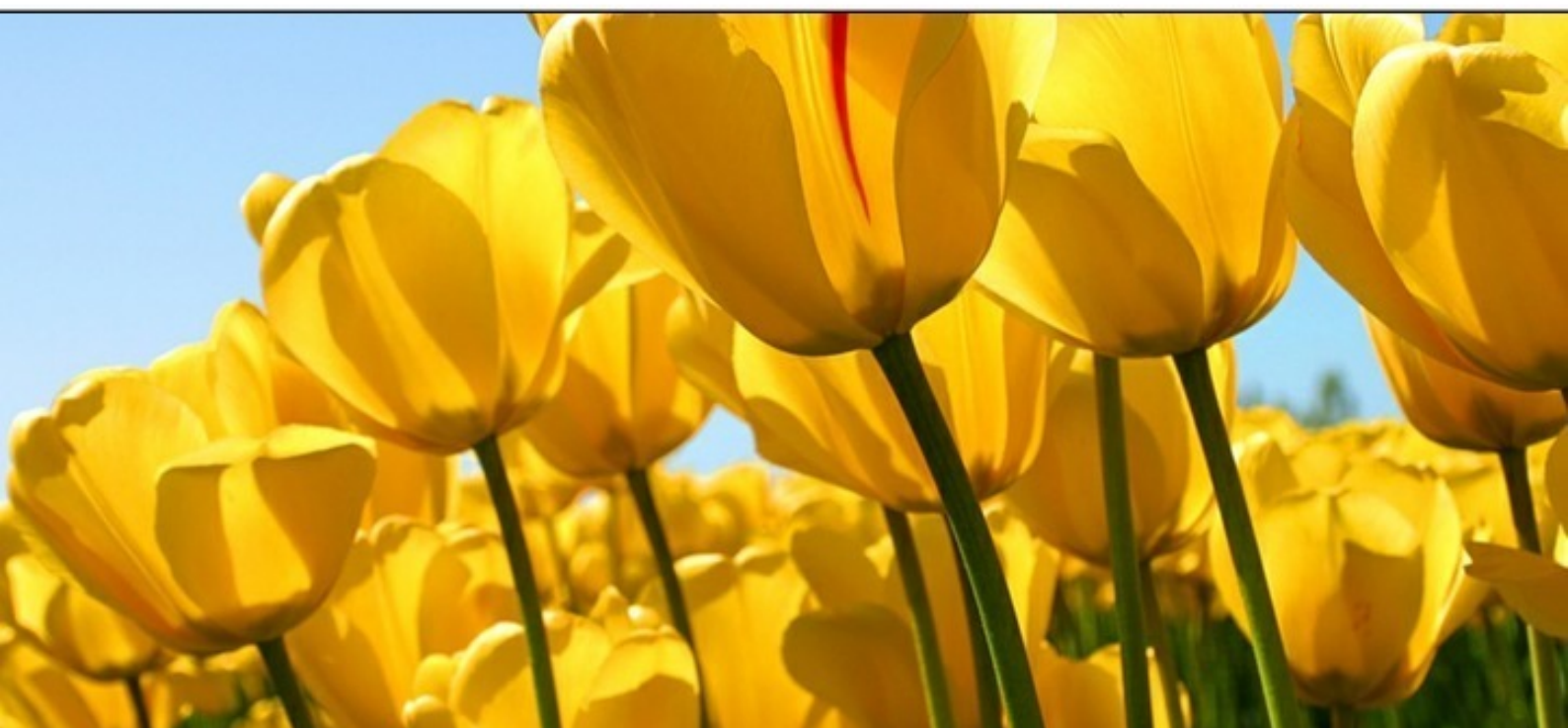

Кайркелды Руспаев

*Горький
аромат
фиалок*

Роман. Том второй

Кайркелды Руспаев

**Горький аромат фиалок.
Роман. Том второй**

«Издательские решения»

Руспаев К.

Горький аромат фиалок. Роман. Том второй / К. Руспаев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837423-4

Главные герои романа выбрали каждый свой путь и действуют, полагаясь только на свои силы, наперекор обстоятельствам и противодействию окружающих.

ISBN 978-5-44-837423-4

© Руспаев К.
© Издательские решения

Содержание

Острова надежды	6
1	6
2	10
3	15
4	25
5	28
6	37
7	42
8	46
9	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Горький аромат фиалок
Роман. Том второй
Кайркелды Руспаев

© Кайркелды Руспаев, 2017

ISBN 978-5-4483-7423-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Острова надежды

*«Несвоевременность – вечная драма,
Где есть он и она».*

И. Тальков.

1

Владимир и Юлия вступили на остров Надежды супругами. Еще в поезде, после того, как он пришел в себя от печали по остающимся родным и его глаза вновь начали видеть то, что происходит вокруг, а уши слышать ровный шум движущегося к столице скорого, Владимир заметил, что Юлия пристально смотрит на него.

– Как ты? – поинтересовался он, – Уже жалеешь, что решила уехать отсюда?

– А о чем мне жалеть?

– Ну, как же... ведь мы покидаем Родину... может быть, навсегда.

Юлия фыркнула:

– Родина-уродинка! Что я здесь хорошего видела?

Владимир не стал ввязываться в полемику. Он промолчал, отвернув лицо к окну, и подумал о том, как он представит ее, когда завтра они приступят к оформлению виз. Бестужев думает, что она его жена. Но когда выяснится, что она ему никто, не станет ли это камнем преткновения в деле получения виз? Да и вообще, нужно определиться с ее статусом. Он согласился с ее условием, пообещал взять ее с собой, не думая, что будет делать с ней потом. Конечно, у него не было выхода – нужно было вызволять Вячеслава, а это можно было сделать, если б Юлия забрала свое заявление и сказала, что не имеет претензий к нему.

Да, она тогда сказала, что согласна на все – быть Владимиру прислугой, наложницей – кем угодно! Вряд ли этично сделать прислугой единственную соотечественницу на чужбине, да это и не в его правилах – держать прислугу. Значит, наложницей? Наложница... сразу вспомнились гаремы восточных правителей и многочисленные наложницы-рабыни. Владимир улыбнулся и взглянул на Юлию – она продолжала смотреть на него тем же взглядом – ему показалось, что она про себя задает ему те же вопросы.

Нет! Никаких наложниц! Это тоже не в его правилах. Тогда что? Законная супруга? Взгляды Владимира и Юлии вновь встретились. И он вновь ощутил, что она обволакивает его каким-то непонятным облаком. Он явственно ощутил, что эта женщина наделена каким-то даром воздействия на мужчин. Да, Вячеслав был прав, Юлия имела особенный дар притягательности. Владимиру показалось, что он сейчас возьмет ее руки, лежащие на вагонном столике, и прильнет к ним губами. Нет, конечно, он не сделал этого, хотя ему пришлось приложить усилие воли, и он только улыбнулся ей. Юлия ответила тем же. Потом предложила:

– А попьем чаю?

– Давай попьем, – согласился он.

Пригласили Анатолия Васильевича, и тот с удовольствием принял приглашение.

– А ваша супруга отменно заваривает чай, – похвалил он Юлию, и она бросила быстрый вопросительный взгляд на Владимира. А он вновь промолчал. А что он мог сказать? Возразить Бестужеву, сказать, что она ему не жена? Тогда нужно будет объяснять, кто она ему и почему она едет с ним. Нужно решать, что делать с ней, пока они еще не добрались до столицы. Вообще-то выбирать не из чего, альтернативы две – либо они вступят в брак, и тогда не возникнет никаких вопросов и никаких сложностей, либо он объявляет Бестужеву, что Юлия ему никто, и тогда могут возникнуть сложности с оформлением виз, и даже может статься, что он

улетит в этот самый остров Надежды один, бросив женщину на произвол судьбы. Но тогда, кроме того, что он нарушит свое слово, Владимир не мог быть уверенным, что Юлия, вернувшись, домой, не обрушит весь свой гнев на Лену и Вячеслава. Значит... значит, у него нет никакой альтернативы. Нужно делать предложение.

Но вместо этого он сказал, обращаясь к Бестужеву:

– Анатолий Васильевич, расскажите о вашем острове.

– О нашем острове, – поправил тот и приступил к обстоятельному рассказу о затерянном в просторах Тихого океана острове с разношерстным населением. Бестужев рассказывал о своей родине, как какой-нибудь гид или представитель туристического агентства. Это остров-государство, суверенное государство, между прочим. В шестидесятых годах прошлого столетия сбросившее иго Британской империи. Общая площадь, численность населения, климат, рельеф, природные богатства и полезные ископаемые, крупные города и туристические маршруты, достопримечательности. Промышленность и аграрный сектор, присутствие иностранного и международного капитала, политический плюрализм и демократический либерализм в политической системе – обо всем этом и о многом другом Бестужев рассказал сжато, как рассказывает учитель на уроке.

– А что наш дядя? – задал потом Владимир вопрос, который его волновал не меньше, чем другие вопросы, – Он не был женат?

– Почему же, – отвечал Анатолий Васильевич, попивая чаю и угощаясь печеньем, – Роман Владимирович был женат, но его жена рано умерла. И он потом не женился вторично. Говорят, – он очень любил свою жену. А вот с дочерью у них отношения не сложились.

– С какой дочерью?! – Владимир чуть не выронил свою чашку с чаем. Он-то думал, что дядя бездетный.

– Со своей дочерью – Надеждой Романовной. Кроме нее у Романа Владимировича нет детей. Но зато есть внуки. Вова и Рома. Близнецы.

– Почему же вы о них ничего мне не сказали?

– Но вы же не спрашивали! И потом, я думал, – вы обо всем знаете. Разве ваш дядя не сообщил о них в своем конфиденциальном послании?

– Нет. Он сообщил, что завещает мне все состояние, так как у него, кроме меня, нет наследников.

Бестужев пожал плечами и отвернулся. Он-то ничего не знал о том, что произошло на острове в его отсутствие. Неужели Роман Владимирович лишил наследства свою дочь? Этого не может быть. Этот племянничек что-то путает. Но... с другой стороны, не странно ли было не сообщить племяннику о своей дочери и внуках. Это, по меньшей мере, странно. Мда... Ладно, это все не касается его, Бестужева. Он выполнил задание старого Павловского, нашел его племянника и скоро представит его старику и получит причитающееся вознаграждение. И тогда... можно будет осуществить свою давнюю мечту, открыть свое дело – построить фешенебельный отель на берегу моря, на том участке, который достался от родителя и который сейчас пустовал.

Владимир надолго замолчал. Бестужев ушел в свое купе, и лег спать, а Юлия прибралась и тоже прилегла. Пассажиры соседних купе мало-помалу утихомирились, и Владимир тоже стал укладываться.

– Чем вы будете заниматься на том острове? – спросила неожиданно Юлия. Интересный вопрос.

– Сейчас меня волнует один-единственный вопрос – что я скажу, когда в посольстве, при оформлении виз, меня спросят о вас?

Их взгляды вновь встретились; глаза ее выдавали внутреннее напряжение. Конечно, она думала о своем статусе при нем. Но Юлия попыталась изобразить безразличие и пожалала плечами.

– Может, нам стоит заключить брак? – пустил он пробный шар.

– Это что – предложение? Или речь идет о фиктивном браке?

На этот раз пожал плечами Владимир.

– Знаешь, Юлия, – начал он, незаметно перейдя на «ты», – Я был женат уже. У меня есть взрослая дочь. Жена моя вышла за другого. Развод между нами оформлен по всем правилам. И теперь я свободный человек. Завтра, или послезавтра я покину страну, и может статься, навсегда. А там... на том острове Надежды у меня нет никого. Дядя пишет, что он при смерти, поэтому мы так спешим. Оказалось, что у него есть дочь и два внука. Но станут ли они мне родней? По тому, как дядя скрыл от меня существование своей дочери, можно судить об их отношениях. Да, теперь получается, что у меня там есть двоюродная сестра и два племянника. Это, конечно, утешает. Хотя очень возможно, что в лице той сестры я найду самого злейшего врага. Вряд ли она в восторге от того, что дядя все свое состояние завещал мне, а не ей. Поэтому... я благодарен судьбе за то, что я встретил тебя и что со мной в неизвестность отправляется хотя бы один соотечественник. То есть – соотечественница. И вот теперь возникает вопрос – сможет ли эта соотечественница получить визу? Ведь мы не знаем, какие у них там порядки. И...

Юлия перебила его.

– Если ты хочешь жениться на мне, я не буду возражать. А если...

Теперь перебил ее он.

– Да, я хочу жениться на тебе. Это неожиданно... да. И в первую очередь, для меня самого. Но... кроме всего прочего, ты мне нравишься. Да, ты мне понравилась сразу, еще тогда, у тебя, в Первомайском. Не скажу, что так уж влюбился в тебя с первого взгляда, мы с тобой не мальчик и не девочка. Но... Юлия, когда я ехал к тебе, то представлял увидеть совсем другую женщину.

– Ну, это понятно, – Юлия хитро улыбнулась, – Слава постарался описать меня с «наилучшей» стороны.

Владимир тоже улыбнулся.

– Да. Но нельзя ожидать лестного отзыва от человека, который готовился отправиться в тюрьму на долгие годы по твоей милости.

– Но ведь он тоже хорош. Сначала клялся в любви мне, спал со мной, а потом закрутил с моей дочерью. Пусть благодарит тебя, если б ты тогда не появился, я ни за что его не простила.

Они оба замолчали.

– Давай условимся не вспоминать более о Славе и Лене, – предложил Владимир, – Я желаю им счастья. А нам следует подумать о своем будущем.

– Давай подумаем. Если ты сделал мне предложение, то я его приняла. И пусть тебя не шокирует, что я так сразу дала согласие. Как ты понимаешь, у меня нет особого выбора. Но... кроме всего прочего, и ты мне понравился. И тоже с первого взгляда. Конечно, не могу сказать, что вот так взяла и влюбилась в тебя с первого взгляда. Мы с тобой не мальчик и не девочка...

Тут оба дружно засмеялись. Даже можно сказать – захохотали.

– Один – один, счет ничейный, – заметил Владимир. И подытожил:

– Значит, по приезду в столицу мы пойдем в загс?

– Значит, так. И, если ты не против, и в церковь. Я не такая уж набожная, но хочу, чтобы на этот раз все было как у людей.

– Что ж, пусть будет так.

Он протянул ей руку, и она крепко ее пожала. Договорились! Вот так они стали мужем и женой. Правда в столичном загсе возникла было сложность – по правилам новобрачные должны были ждать как минимум месяц после подачи заявления. Но вновь решающую роль

сыграли деньги и к вечеру первого дня пребывания в стольном городе Владимир и Юлия получили на руки свидетельство о браке.

Побывали они и в церкви и батюшка без проволочек обвенчал их. Присутствовал при этом и Бестужев. Он, естественно, не смог скрыть удивления, но не стал ни о чем расспрашивать.

Вечером того дня новобрачные решили sprysнуть это событие и заказали столик в ресторане отеля, где остановились и сняли два номера – одноместный для Бестужева и двухместный для них двоих. Да, теперь они муж и жена, и теперь Владимир должен решить, будет ли этот их брак настоящим или фиктивным.

Бестужев поднял тост за их будущее, за то, чтобы им скорее добраться домой, выпил, закусил, и сказав, что ему нужно выспаться перед завтрашними хлопотами, ушел в номер. Владимир и Юлия остались. Они сидели друг против друга за скромно обставленным столиком, молча попивали вино, которое выбрала Юлия, и смотрели друг другу в глаза. И вновь она обволакивала своим непонятым облаком своего нового супруга, и он думал о том, не пора ли вернуться в номер, чтобы немедля приступить к брачной ночи.

2

А что же наш Заманжол Енсеев? Он счастлив! Небольшое семейство его увеличилось на целую взрослую дочь. Сколько радости для Заманжолы и Амины и сколько новых забот.

Алтынай поместили на диване в детской. Счастью Амины не было предела! Целыми днями она не отходила от своей новоприобретенной сестры, – вроде бы старшая, а нужно нянчиться, как с маленькой – кормить, поить, одевать, учить всему, что знала, что умела сама. Всегда охотно ходившая в школу, Амину теперь с трудом приходилось отпрашивать на занятия.

Заманжол ухаживал за Алтынай и одновременно разрабатывал особую программу обучения. Все было внове – до этого ему приходилось иметь дело с нормальными детьми, с более или менее прогнозируемыми умственными способностями. Другое дело Алтынай. Она представлялась Заманжолу сплошным белым пятном. И, хотя девушка выказывала способность к обучению, Заманжол не знал, какими темпами вести обучение и он действовал, руководствуясь интуицией. Пришлось дополнительно самообразовываться. Он копался в библиотеках города, советовался с Парфеновым, начал переписку с известными психиатрами и психологами. И постепенно занятия начали давать первые результаты. Алтынай произносила все больше простых слов, и, хотя еще не дошла до «мама мыла раму», но с каждым днем ее словарный запас пополнялся новыми словами.

Балжан, несмотря на постоянные увещевания Заманжолы, так и не приблизилась к ней. Но при этом внимательно следила за тем, как муж обихаживает Алтынай, с подозрением в глазах заглядывала в детскую, когда обучающий и обучаемая почему-либо затихали – ей все казалось, что они разыгрывают ее и «крутят» любовь у нее под носом. И каждый раз разочарованно удалялась, увидев, как Заманжол выносит судно, или меняет запачканную простыню – иногда Алтынай ходила под себя.

Прошла неделя, и стало ясно, что Алтынай нужно искупать – от нее шел неприятный запах пота и прелой кожи. Оказалось к тому же, что у нее исправно идут месячные. Заманжол попросил Балжан искупать ее.

– Я одна кормлю вас всех, и еще должна стать сиделкой?! – вскинулась та, – Сходи в собес, пусть выделяют нянечку. Или пусть назначат пособие – мы найдем женщину по уходу. Я вообще не понимаю, почему ее отдали без пособия. Сбыли с рук, нашли дурака! И прошу, Заманжол, не приставай ко мне, я была против этой затеи с самого начала. И знаешь, почему?

Она взглянула на Заманжолу, но он молчал. Он был уверен, что не услышит ничего утешительного для себя.

– А потому, что знала – ты постарайся взвалить все заботы на меня. Знаю я вас, мужчин... легко быть добреньким, человеколюбивым за чужой счет. Как играть с ней... – тут Балжан помедлила, – забавляться... ты можешь. А как коснулось до грязного – «Давай, Балжан, искупай!» Не по-лу-чит-ся!

Заманжол отошел, не проронив ни слова. Конечно, если б он обратился в собес, то, наверное, выделили бы сиделку или назначили пособие. Но ему не хотелось опять собирать бесчисленные справки – он был сыт ими по горло! И еще одно соображение не позволяло нанимать сиделку – ему хотелось, чтобы Алтынай чувствовала себя полноправным членом семьи, чтобы она прочувствовала заботу своих новых родственников, тепло их рук. Ведь не пришло бы им в голову нанимать сиделку для Амины, если бы она, не дай Бог, заболела.

И ему пришлось самому взяться за помывку Алтынай. Он стал готовить воду в ванной. Долго, долго он возился, регулируя температуру, и дело было не в том, что он никак не мог подобрать оптимум. Он думал, как будет купать Алтынай, как обнажит ее, как будет прикасаться к ней, к ее интимным местам.

Заманжол вздохнул и закрыл кран. Он рывком встал и отправился за Алтынай. Чуть задержался возле нее, затем быстро раздел и понес в ванную.

Алтынай была – словно пушинка. Ее светлая кожа как бы подсвечивалась изнутри. Волнистые волосы уже достигли плавно изгибающихся плеч; Заманжол ощущал их нежное прикосновение при ходьбе, словно сказочная птица оведала его лицо своими крыльями. А груди! Еле уловимая розовость нежно разливалась по ним, контрастируя с сочными пуговками сосков.

Изящные линии рук и ног покоряли грациозностью в своей невольной неподвижности. А шея! Она изгибалась, легко реагируя на перемещения ее тела, плавно передвигая легкую головку из одного положения в другое, непосредственно и одновременно кокетливо склоняя ее на бок.

А лицо! А губы! А глаза! Не передать всех ее прелестей...

– Любуешься? – раздался голос Балжан за спиной. Заманжол обернулся и встретился с ее холодными глазами.

– Хороша, да?

– Да, – признался Заманжол, – Ты права. Я дотеле не видел такой красоты.

Балжан уязвлено скривилась.

– Ты забыл, какой была я? В юности все мы прекрасны. А какой она станет лет через десять? После парочки детей все ее прелести отвиснут.

– Ты так говоришь, будто сама нарожала кучу детей, – Заманжолу захотелось задеть ее. И возможно, это удалось. Она хотела как-то ответить на реплику, но Заманжол отвернулся и принялся намыливать спину Алтынай. Та вздохнула блаженно и отдалась в его ласковые руки. Он с трепетом прикоснулся к ее податливому телу, и чувствовал, как оно откликается на его прикосновения неуловимыми движениями нежных мускулов. Под ее кожей словно прокатывались тихие волны, и эти волны, вызывая в нем ответные, как бы настраивали его тело, его существо в единое гармоничное целое.

Заманжол помыл ее шею, затем руки его перешли к небольшим тугим грудям. Он чувствовал, как ее твердые соски касаются ладоней, и испытывал давно забытое волнение юности, впервые прикоснувшегося к прелестям любимой девушки. Заманжол находился в каком-то трансе, хотя руки его не бездействовали – терли, намыливали, и вновь терли, намыливали, – он словно счастливо парил в нереальном пространстве наедине с прекрасной феей, ангелом, неземным существом.

В какой-то момент, как бы очнувшись, он почувствовал беспокойство. Он не сразу понял, откуда оно исходит. Пока не заметил в зеркале напряженное лицо Балжан. Возможно, она наблюдала за ним все это время.

– Ш-ш-то? – запинаясь, проговорил он, – Что ты так смотришь?

Балжан не могла не видеть, как девушка волновала Заманжолу, и как сама Алтынай реагировала на прикосновения его рук. В ней вновь возникли черные мысли, вновь со дна души поднялась мутная взвесь подозрений. Она не оставила мысли, что все происходящее – спектакль, умело разыгрываемый мужем и этой юной красавицей. Правда, Балжан смутила детская непосредственность Алтынай, ее безмятежный взгляд, ее, казавшаяся естественной, радость от общения с Аминой. «Неужели она способна так играть? – спрашивала она саму себя, – Тогда она должна быть гениальной актрисой. Нет, она и вправду идиотка. И я зря мучаю себя подозрениями...

Но моменты просветления проходили, и Балжан вновь окуналась в неверие. «Ладно, пусть она больна, – продолжала она размышлять, – Но почему тогда Заманжол так волнуется? И не только он один. Видно же, что они оба возбуждаются. Ведь он попросту ласкает ее, и она прямо балдеет от его ласк!

Балжан пришла в голову шальная мысль – пощупать член мужа, проверить, не возбужден ли он, – она была уверена, что это так. Она долго боролась с искушением, но так

и не осмелилась, и стояла, довольно нервируя Заманжол. Он взмок. Нужно было переходить ниже, к бедрам Алтынай, ягодицам, низу живота, но Заманжол физически ощущал взгляд жены, которая, как ему казалось, ждала, чтобы посмотреть, как он будет мыть интимные места девушки.

– Балжан, пожалуйста, не стой над душой! – взмолился он, – Помогла бы, что ли...

– Купай, купай, тебе же приятно, – отозвалась она, не сдвинувшись с места.

Заманжол разозлился, и, решительно окунув руки в воду, начал водить губкой по всему подряд; взял одну ножку, демонстративно помыл ее, затем другую, после чего провел по промежности. Когда он спустил воду и начал обмывать Алтынай под душем, оказалось, что Балжан ушла. Он облегченно вздохнул, и, взглянув в сияющее лицо Алтынай, не удержался и прикоснулся губами к ее зарумянившейся щеке. Слегка раскрытые губки девушки манили прильнуть к ним страстным поцелуем и обуреваемый противоречивыми чувствами, он подхватил ее и отнес в детскую.

Проходили дни. Алтынай быстро восстанавливалась под заботливыми руками Заманжол. Она все больше привязывалась к своему «папе» и Амине, имя которой несколько искажала. Естественно, нельзя было не заметить ее настороженности по отношению к Балжан, к которой вначале пыталась обращаться «мама», также подражая Амине, но перестала, так как та каждый раз грубо обрывала ее.

– Я тебе не мама! Можешь не подлизываться, я тебе все равно не верю. Поняла?!

И пронизывала бедную девушку уничтожающим взглядом, под которым та растерянно никла. Дети, даже такие большие, как Алтынай, чувствуют, когда их не любят, и Алтынай не была исключением. Она чувствовала неприязнь, исходившую от Балжан, и всегда замолкала при ее появлении. Она стала побаиваться ее и всегда затихала, когда они оставались наедине. Особенно страшно было ей, когда Балжан подступала к ней со своеобразным допросом, мучая ничего не понимающую девушку вопросами.

– Слушай, чего ты прикидываешься? – говорила Балжан, присаживаясь рядом, – Неужели ты думаешь, что я так глупа? Можете не стараться, вам меня не провести. Я же все вижу! Я же вижу, как он ест тебя глазами, как он возбуждается, прикасаясь к тебе. Готова спорить, – вы занимаетесь любовью, когда меня нет. Занимаетесь? Конечно, занимаетесь!

Алтынай хлопала ресницами, не понимая, что Балжан нужно, улавливая из ее речи только слово «Заманжол».

– А ты хорошо играешь свою роль, – продолжала Балжан, – У тебя талант. Я думаю, тебе нужно перестать маяться дурью и поступить на театральный. С тебя выйдет хорошая актриса. И на фиг тебе сдался Заманжол? Стоит он того, чтобы так мучиться? Не надоело валяться целыми днями? Скоро бока отлежишь.

Балжан пристально вглядывалась в глаза Алтынай, и уstraшенная этим взглядом девушка тупила свой взор и съезживалась. Алтынай ее невзлюбила и начинала сильно беспокоиться, когда Заманжол должен был отлучиться, а Амины не было дома. Ее глаза красноречиво просили Заманжол не уходить, умоляли не оставлять наедине с Балжан. Заманжол начал догадываться, что в его отсутствие жена как-то достаёт Алтынай. Он несколько раз подступал к Балжан с расспросами, что она делает с Алтынай в его отсутствие, просил не трогать ее. И, конечно, та легко отшивала его.

– Отстань! – отрезала она, кривя губы в злорадной улыбке, – Мне нет дела до нее. Ты не доверяешь мне, и хочешь при этом, чтобы я доверяла тебе. Откуда я знаю, чем вы тут занимаетесь в мое отсутствие!

Заманжол замолкал. Балжан с каждым днем все больше усложняла их отношения, они чаще стали ссориться, хотя Заманжол старался не поддаваться на ее провокации. Балжан упрекала его тем, что он сидит дома, требовала, чтобы он устроился на какую-нибудь работу. Он соглашался с ней, но не мог оставить Алтынай одну.

С некоторых пор кто-то стал доставать Заманжол звонками, играя при этом в молчанку. Заманжол слышал в трубке чье-то дыхание, и каждый раз явственно слышался шум машин, что свидетельствовало о том, что звонили из таксофона или с сотки.

– Алло! Кто это? Что вам нужно? – спрашивал Заманжол, но на том конце лишь вздыхали и вешали трубку. Скоро эти звонки стали играть на нервы. Заманжол подозревал Балжан, он думал, что таким образом она пытается контролировать его.

– Это ты, Балжан? – кричал он в трубку, – Ты уже достала, перестань! Мы не одни, с нами Амина.

На том конце провода молчали. Тогда Заманжол подзывал Амину и просил ее поговорить.

– Кто звонит, пап? – спрашивала она.

– Не знаю, наверное – твоя мама, – удрученно отвечал Заманжол.

Амина прикладывала трубку к уху и тут же возвращала – телефон коротко пищал.

– Что за ерунда! – возмущался Заманжол, – Идиотизм какой-то!

И подступал к Балжан, когда та возвращалась домой.

– Это ты все время звонишь? Перестань! Ты уже достала. Не даешь спокойно заниматься с Алтынай. Пойми, мне нельзя отвлекаться. Представь, что будет, если тебя постоянно отвлекать от урока? У меня не менее важные уроки. Если так уж хочется контролировать нас – установи в квартире видеокамеры, а не мучай телефон!

– Да иди ты! – искренне возмущалась та, – Нужны вы мне! Это не я.

– Тогда кто?

– Откуда я знаю!

Однажды Балжан предположила:

– А может, это ее хахаль звонит?

– Какой еще хахаль? – не понял Заманжол.

– Какой-какой! Какой-нибудь. Не думаешь же ты, что у такой крали до тебя не было никого.

– Что значит – «до тебя»?

– А то и значит! – Балжан удостоила его презрительным взглядом и ушла на кухню. А телефон продолжал звонить. Заманжол не мог отключить аппарат – часто звонил Парфенов, справлялся о самочувствии Алтынай, звонили другие специалисты, интересовались успехами, звонила и Балжан, и Амина, – да мало ли кто!

Однажды звонивший осмелился и задал вопрос:

– Извините, я хочу знать, как там Биби?

– Какая еще Биби? Здесь нет никакой Биби! Вы наверно, ошиблись номером.

– Ну, та девушка, что у вас сейчас.

– Алтынай, что ли?

– Значит, вы зовете ее по-своему...

– А кем вы приходитеесь ей? – у Заманжолы возникло чувство, сродни ревности. Больше всего ему не хотелось, чтобы у Алтынай отыскался кто-нибудь, именно сейчас, когда занятия с ней начали давать первые результаты.

– А... – незнакомец замялся, – Вообще-то никем. Так, знакомый. Я просто хотел узнать, как она там.

– Послушайте, если вы знаете Алтынай, то почему не отозвались, когда искали тех, кто хоть что-либо знает о ней? Может быть, вы причастны к тому, что с нею произошло?

– Нет-нет, я ни в чем не виноват! Я сам не знаю, что с ней. Она исчезла – я ее искал. А потом... потом я узнал... случайно, о том, что ее нашли в вашем городе.

– Хорошо, возможно, все так и было, но почему вы не откликнулись?

Трубка молчала.

– Вы струсили? Я прав?

Заманжол понял, что собеседник и вправду не знает, что произошло с Алтынай.

– Ладно, – сказал он мягче, – Я вам верю. Теперь скажите, знаете ли вы кого-нибудь из ее родственников? Откуда она? Где раньше жила?

На другом конце провода молчали. Заманжол понял, что там не сразу переварят град его вопросов. Тогда он предложил:

– Знаете что. Давайте встретимся и поговорим, у меня к вам много вопросов.

– Нет, я не могу с вами встретиться. Да я сам знаю немного. Мы с Биби познакомились в другом городе. Мы встречались два-три раза, после чего она исчезла. Она не любила рассказывать о себе – говорила, что не помнит, откуда она и кто, что имя Биби ей дали ее «сестры и братья». Она состоит в «Свидетелях какого-то дня», это вроде секта такая. Когда она пропала, я хотел найти этих сектантов, но их уже не оказалось в нашем городе. Я подумал, что, возможно, она уехала вместе с ними, если только ее не принесли в жертву...

– В жертву? – не понял Заманжол, – Как это?

– Ну, совершили жертвоприношение, – разъяснил незнакомец, – От этих сектантов можно ожидать всего.

– Хорошо, – сказал Заманжол, – Я готов поверить в это, – у меня самого еще невероятнее история, связанная с ней. Но это неважно. Что вы хотите теперь от нее?

– Ничего, – отвечал грустно звонивший, – Просто хотел узнать, что с ней, как ей живется.

– С ней все отлично, – заверил Заманжол, – Мы с женой педагога, занимаемся с ней плотно, и думаем, что Алтынай быстро восстановится. Во всяком случае, уже есть определенные сдвиги. Я понимаю, вы... – Заманжол замялся, не зная, какое слово подобрать, – что вы равнодушны к Алтынай, но, прошу, не звоните больше, не мешайте нам.

Незнакомец попытался вставить слово, но Заманжол не дал.

– Нет, не надо, – отверг он просьбу собеседника, – Лучше не надо. Она вас все равно не узнает. Она как бы заново родилась и заново всему обучается. Алтынай сейчас как младенец, у нее чистый мозг, абсолютно чистое сознание. Я серьезно занимаюсь с ней и надеюсь, что сумею обучить ее всему. Да, можете время от времени звонить, справляться о ее самочувствии. Я не против, лишь бы не играли больше в молчанку.

– В какую молчанку? – теперь не понял незнакомец.

– Вы же доставали меня звонками! Звоните, и молчите.

– Нет, это не я, – возразил тот, – Я звоню вам впервые.

– Да? – недоверчиво произнес Заманжол, – А я думал – это вы.

– Нет, это не я, – повторили на том конце провода.

– Ладно, я вам верю, – сказал Заманжол и предложил, – Давайте познакомимся – меня зовут Заманжол.

– Нет, я не могу сказать вам своего имени. Да и на что вам оно? Мое имя ничего не скажет вам. Да и звонить я больше не буду – зачем? Поверьте, я знаю не больше того, что сейчас рассказал.

– Ну, тогда прекратим этот разговор, – сказал облегченно Заманжол и, добавив, – Прощайте, – услышал короткие гудки.

Он секунду подержал трубку, затем положил ее и повернулся к Алтынай.

– Кто же ты, Алтынай – Биби? – сказал он, встретив ее безмятежный взгляд, – Знать бы...

3

Талгат Аликеев подружился с Бекханом Кадиевым после первого же знакомства, если такое понятие, как «дружба», применимо к такому человеку. Во всяком случае, главарю городской группировки было намного приятнее общаться с новым начальником охраны «Мотивации», чем с этим боровом Рахатом Аскеровым. Очень скоро тот узнал, что впал в немилость. Нет нужды говорить, как он возненавидел Бекхана. Его душонка жаждала мщения, но на то она и душонка, что дальше пустых угроз и бессильно – испепеляющих взглядов она не могла пойти.

Бекхан понимал, что завоевание доверия Аликеева – дело не менее важное, чем приобретение расположения Виолетты и ее отца. Он серьезно подошел к этому делу и с первой минуты общения постарался оказать на всемогущего «крестного отца» должное впечатление. Задача перед Бекханом стояла непростая – ему, образно выражаясь, предстояло пройти по лезвию ножа. Нужно было преподнести себя с должным достоинством и ни в коем случае не дать унижить себя. Но, если бы ему изменило чувство меры, Аликеев мог счесть его задавакой, гордецом, а таких он, как и все властные натуры, вряд ли любил и терпел. Значит, нужно быть учтивым и почтительным, но в разумных пределах, ибо такие люди не уважают и тех, кто лезет им в задний проход. Нужно полагать, он достаточно умен, чтобы распознать лесть в любой форме – такие хорошо знают свои достоинства, так же, как и недостатки, понимают важность своей персоны, и степень могущества и власти над людьми.

Но он был человеком, этот Талгат Аликеев, и считал себя хорошим человеком, незаурядной, даже в чем-то талантливой личностью, достойной занимаемого положения. Бекхан выбрал единственно верную линию поведения – непосредственность. Он решил держаться с Аликеевым непринужденно, не отказывая, однако, в определенной почтительности. Таким простым поведением Бекхану удалось покорить могущественнейшего человека города с одной – единственной встречи. Бекхан держался с боссом мафии просто, ничего не старался корчить из себя, был чуточку почтительным, слегка ироничным к себе, немного юмористичным, выказал воспитанность и знание манер и правил легального и криминального мира. Он говорил негромко, но не тихо, внятно, грамотно; речь его при этом лилась свободно, но Бекхан продумывал каждое слово – он понимал, что в среде таких, как Аликеев, неосторожное слово могло стать причиной гибели, и ни на минуту об этом не забывал.

Ну и не последнюю роль сыграло обаяние Бекхана, его ум и обширные знания о многих сферах, которых касался в разговоре Аликеев, который и сам слыл эрудитом, и такие качества он особенно ценил в людях. Ему не доставало достойного его ума и образованности собеседника, и в лице Бекхана он его нашел. Он получил прямо-таки эстетическое наслаждение от своего первого общения с простым начальником охраны, принять которого решил из простого любопытства, ну и оттого, что ему передали историю знакомства Бекхана с дочерью Владимира Кима, а он, как и все мужественные люди, уважал людей неробкого десятка.

– Как вам «Мотивация»? – спросил Аликеев в какой-то момент.

Бекхан внутренне подобрался, хотя весь вечер был собран и очень внимателен, но внешне никак нельзя было его в том заподозрить.

– Хорошая фирма, – сказал он и добавил, – Мне нравится там работать.

– А Владимир Иванович? —

– По моему, толковый руководитель.

– Толковый? – Аликеев усмехнулся, – Вы уже перенимаете его словечки?

– А... – Бекхан улыбнулся.

– Но он и в самом деле толковый начальник.

Аликеев хитро улыбнулся и отпил малюсенький глоточек из своего стакана. И задал еще один вопрос, глядя прямо в глаза Бекхану:

– А Рахат?

Ни один мускул не дрогнул на лице Бекхана. Он тоже пригубил коктейль, и ответил просто:

– Не хочется хаять человека за глаза...

Аликеев перебил его слишком быстро – возможно, пытался поймать на слове:

– А вы хотели бы его похаять?

– Знаете что, Талгат Мухамеджанович, – ответил Бекхан, еле заметно нахмутив брови, – Я не хочу лгать вам. Я знаю, кто такой Рахат, и что он делает, или, вернее, не делает на фирме. Я всю жизнь тружусь, поэтому не люблю бездельников. А Рахат – бездельник! И хам, к тому же. Вы, возможно, знаете об инциденте, тогда мне пришлось применить силу. Поверьте, я был вынужден это сделать, – ведь он перешел все границы.

– М – м... – протянул Аликеев, и, улыбнувшись, сказал:

– Значит, не любите бездельников?

Бекхан почувствовал, что босс готовит подвох. Но спокойно ответил на вопрос:

– Да, не люблю.

– Наверное, и меня считаете таковым?

Вот оно! Но Бекхан уже успел подготовить ответ.

– Нет, не считаю.

– Почему же?

– Потому что догадываюсь, какое беспокойное хозяйство у вас.

– Да?! – видно было, что Аликеев доволен ответом.

– Многие думают, что я бездельник, – сказал он потом доверительным тоном, – Но они ничего не понимают. Не будь меня, не будь моих ребят, здесь давно воцарился бы хаос. Анархия. Многие считают меня фигурой негативной, чуть ли не воплощением зла. Но это не так. Я – фигура необходимая. И я – воплощение справедливости.

Босс блеснул глазами. Вновь отпил глоточек коктейля и продолжал:

– Вот возьмем государственную машину. Вроде бы она должна быть столпом справедливости. У нее, у этой машины, много функций. Худо ли, бедно, но она справляется со своими задачами – руководит, планирует, подавляет. Но она не выполняет одну, самую важную задачу – не обеспечивает должную справедливость. И я ее не обвиняю. Нет, не обвиняю! А почему?

В этом месте босс уставился на собеседника. Бекхан должен был, либо спросить, почему, либо сделать вид, что не понимает. Бекхан просто пожал плечами.

– Потому что, – продолжал Аликеев, – машина эта связана по рукам и ногам государственными законами. Законами, которые не призваны поддерживать справедливость, которые не есть выражение справедливости. А есть набор каких-то, подчас абстрактных установлений и принципов. Абстрактных, и, пожалуй, и абсурдных.

И он воскликнул:

– Вот в чем корень зла!

Затем продолжал, еще раз приложившись к стакану. Видимо, это было его страстью – разглагольствовать о высших материях, попивая хороший коктейль.

– Возьмем какую-нибудь деталь этой машины. Такую важную, например, как аким области или мэр города. Они представляют государство, они, вроде бы должны быть столпами государства на местах. Но они, по сути, пешки. Они не могут быть гарантами справедливости. Потому что они сегодня здесь, а завтра их тут нет. Сегодня аким мечет громы и молнии перед подчиненными, а завтра – хлоп! – его перевели в другую область. И это в лучшем случае.

Аликеев улыбнулся и добавил:

– Конечно, я немного утрирую, но дело обстоит именно так.

Бекхан заметил, что босс любит это словечко – «утрирую». Он вставлял его в разговор, то и дело, по необходимости, и без оной. Очевидно, считал, что такие слова – удел высокообразованных и высокоинтеллектуальных людей.

– Да, – продолжал босс, и Бекхан продолжал слушать его с неизменным вниманием, – это в лучшем случае. А то возьмут и отправят этого столпа государственности в отставку. Если только не посадят. А я... я всегда на своем месте. И я сам по себе, – никому не подчинен, никому не подотчетен. И законы государства я принимаю постольку, поскольку они совпадают с моими принципами, с принципами истинной справедливости.

Аликеев, как и все паразиты, считал, или хотел, чтобы считали, что он несет обществу позитив. И старательно обосновывал этот тезис.

– Вот возьмем волка. Кто он? Вроде бы – воплощение зла. Во всех, или почти всех сказках волк – отрицательный персонаж. Это для детей. Но мы – взрослые люди и знаем – он санитар леса. И степи тоже. Все жалеют его жертв – слабых и больных животных. Ведь они и так обижены судьбой. Но люди не хотят понять – именно они и не имеют права на существование, и именно их, в первую очередь, истребляет хищник. Это жестоко? Да. Но я, волк, не виноват, что так устроена жизнь. И этого требует от меня природа. Она требует, чтобы безжалостно уничтожались, вырывались с корнем все больные и слабые особи, чтобы множились сильные и здоровые. И человек, дитя природы, вынужден жить, в первую очередь, по ее законам, а не по тому, что измыслил сам. Если, конечно, не хочет выродиться. И я – санитар нашего города, слежу за тем, чтобы соблюдался этот закон – самый справедливый, самый мудрый из законов.

Лицо босса приняло некую суровость. Но ненадолго. Он улыбнулся и сказал:

– Нет, я не против государственных законов и демократических принципов. Но в первую очередь я руководствуюсь законом справедливости. А это, согласитесь, высший закон.

Бекхан поспешил согласиться. Аликеев доверительно хлопнул по его плечу. И вдруг закрыл тему, бросив:

– Я подумаю насчет Рахата...

Нужно сказать, что и Аликеев произвел на Бекхана впечатление. Он, конечно, навел предварительно справки о главаре городской «коза ностры», но личное общение превзошло все ожидания. Бекхан мог быть довольным собой, когда на прощание Аликеев сказал покровительственно:

– Я очень рад, что познакомился с вами. Думаю, мы подружимся. Работайте спокойно, ни о чем не беспокойтесь. Скоро у нас праздник – день рождения моей дочери, младшенькой, Лизы. Ей исполняется восемнадцать. Я заранее приглашаю вас с супругой, хотя мы еще разошлем приглашения.

И добавил, подавая руку:

– И давайте перейдем уже на «ты». Лады?

Бекхан кивком головы дал согласие.

После этой встречи дела Бекхана пошли в гору. Прошло несколько дней, и Виолетта зашла к нему. Она сообщила, мило улыбаясь, что Владимир Иванович решил премировать Бекхана за отличную службу.

– И знаете, какая это премия? – спросила она, кокетничая с ним, лаская своими смеющимися глазами.

Бекхан пожал плечами.

– Ну, догадайтесь! – просила она так, как требует капризный ребенок купить мороженое, – Попробуйте угадать.

– Не знаю, я ведь не знаком со ставками здешних премиальных, – Бекхан отвечал ей улыбкой.

– Нет, это не деньги, – уточнила Виолетта, – Папа премировал вас не деньгами. Это вещь... нет, неточно, это самое важное и необходимое для человека, для его семьи.

Бекхан морщил лоб, думая, что бы это могло быть.

– Ума не приложу. Какой-нибудь бытовой прибор? Стиральная машина? Телевизор? Холодильник?

Виолетта покачала головой, отрицая.

– Нет, это более значительное...

– Что же тогда? Представления не имею. Веточка, прошу, не мучай меня. Я все равно не догадаюсь – такой я тугодум.

– Такой уж тугодум?! – озорничала девушка. Бекхан видел, как ей приятно заигрывать с ним.

– Какие мы недогадливые, какие мы тугодумливые! – пропела она, качая головой.

– Да-да, такие уж мы, – подыгрывал ей Бекхан, поглаживая ее руку. Ей была приятна эта ласка, и она не убирала свою кисть из-под его ладони.

– Ладно, скажу уж, – решила она, наконец, и произнесла, сделав значительные глаза:

– Папа премировал вас квартирой. Четырехкомнатной!

Бекхан смотрел выжидающе, думая, что это такая шутка.

– Правда-правда! Квартира новая. Знаете высотку по Ауэзова? Которую мы только что сдали... там...

И она подняла руку и разжала кулачок, который и до того доказывал, что в нем что-то есть, только Бекхану было не до него. Она закачала связкой сверкающих ключей перед его носом, довольная произведенным эффектом.

– Ну, берите же, я не шучу! – Виолетта продолжала улыбаться, рассыпая из своих лучистых глаз счастливые искры.

Бекхан изменился в лице. Кровь сначала сошла с него, а потом поднялась и Бекхану стало жарко. Он легонько отстранил руку девушки вместе с ключами.

– Нет-нет! Ты что! Квартиру в премию! Я не приму. Это ты попросила Владимира Ивановича? Да?

– Нет. Уверяю вас, это не я. Мне такое и не пришло бы в голову. Это папа решил так поощрить вас. До вас фирма несла большие убытки, а как вы поставили охрану на должный уровень, сразу налицо экономия. Папа знает, в каком доме вы живете. Да, это я ему сказала, вы уж извините. Но, поверьте, я не могла и подумать, что папа так отреагирует.

Бекхан встал и заходил по кабинету. Он был ошеломлен. Сердце его приятно сжималось. «Квартира! Четырехкомнатная! В новом доме, в центре! Что теперь скажет Майра? А как будут рады дети!». Мысли теснились в голове, но на лице он держал маску озабоченности. Что делать? Если он сразу примет этот роскошный подарок, то может заронить если не подозрение, то некоторую толику сомнения. Ведь он играл роль честного малого, бессребреника и было бы противоестественно молча «проглотить» такой дорогой подарок.

– Где сейчас Владимир Иванович? – спросил Бекхан, внезапно остановившись против Виолетты.

– У себя.

– Пошли! – бросил Бекхан, и, не дожидаясь, что скажет она, устремился из кабинета. Виолетте ничего не оставалось и она последовала за ним.

– Куда вы? – она почти бежала, пытаясь нагнать широко шагавшего по коридору Бекхана. Он лишь махнул рукой, как бы говоря: «Следуй за мной!».

Бекхан шел по коридору и встречные сотрудники и сотрудницы приветливо и почтительно здоровались с ним, уступая дорогу в узких местах и поворотах. После изгнания Рахата Аскерова Бекхан настолько возвысился в глазах служащих «Мотивации», насколько, пожалуй, не возвышался богатырь, покончивший со Змеем Горынычем, терроризировавшим его сооте-

чественников. Фирма вздохнула полной грудью после стольких лет жизни под вонючей пятой Аскерова, и не было человека, не выражавшего признательности своему освободителю.

«Бекхан Кенжеевич, здравствуйте!», «Добрый день, Бекхан Кенжеевич!» – только и слышал он. Многие начальники участков и заместители Владимира Ивановича, прежде едва отвечавшие на его приветствие, теперь лебезили перед ним. Весть о том, что Бекхана принял сам Аликеев, распространилась в считанные часы после их встречи.

Секретарша в приемной произнесла немного заискивающе, как обычно обращалась к значительным персонам, к которым причисляла дочь президента фирмы, ну и, причислила теперь и Бекхана Кадиева:

– Владимир Иванович занят. У него люди из акимата.

Виолетта не обратила внимания на ее слова, и, решительно открыв наружную дверь кабинета, сделала приглашающий жест Бекхану. Тот улыбнулся секретарше, как бы извиняясь, и проследовал в кабинет.

Там находились два незнакомца, как оказалось после, чиновники из отдела градостроительства. Третьим был Замир Надилов – главный архитектор «Мотивации». Он стоял возле большого макета с указкой в руках и рассказывал что-то людям из акимата.

Владимир Иванович представил Виолетту и Бекхана чиновникам.

– У нас есть и альтернативный проект застройки левобережья, – сказал он, и добавил, – Автор – моя дочь. Хотите взглянуть?

Чиновники снисходительно улыбнулись. Виолетта порозовела от волнения, и, кивнув, отправилась к себе и скоро вернулась, неся небольшой макет и кипу чертежей. Когда она поставила макет прямо на стол перед чиновниками, те принялись изучать его со снисходительной миной на лицах, словно бы говоря: «Что может создать эта девчонка! Но придется посмотреть, – ведь она дочь президента фирмы».

Бекхан пересел ближе и взглянул на макет. Виолетта осталась стоять. Она заметно волновалась, о чем свидетельствовали пылающие щеки и заблестевшие глаза. Он бросил украдкой взгляд на ее похорошевшее лицо и начал сравнивать макеты.

Проект главного архитектора ничем не поражал; он был каким-то скучным, неживым. Слишком правильным. В нем отсутствовали кривые линии, и все было прямолинейным. Даже излучина реки была выровнена и напоминала участок канала. Вообще, все пространство левобережья представлялось на его макете ровной площадкой, и пологий холм, под названием Сарыадыр, должен был скрыт.

Здания, особенно в жилом массиве, были типовыми, и ничем не отличались друг от друга. От макета веяло однообразием, штампованностью, и когда Бекхан перевел взгляд на макет Виолетты, в глаза бросилась гармоничность и какая-то внутренняя теплота.

Не было ни одного здания, похожего на другое. И, если проект главного архитектора казался приземленным, даже приземистым, хотя и в нем были модели высотных зданий, все в проекте Виолетты было устремлено ввысь. Ее проект отличался изяществом во всем: в линиях улиц, гармонирующих с излучиной реки, которая была оставлена в своих берегах. На месте был и Сарыадыр, только вершину его украшал комплекс, как объяснила Виолетта, спортивно-развлекательный. От основания холма, где были разбиты скверы, к вершине поднимались широкие лестницы. Повернув макет, Виолетта показала обратную сторону холма, превращенную в лыже-роллерную базу.

– Я не вижу никаких коммуникаций, – сказал один из чиновников, судя по манерам, старший, – Где теплотрассы?

И добавил, иронично улыбаясь:

– Или вы, Виолетта Владимировна, не подумали об отоплении? Не забывайте – мы живем на севере республики.

Виолетта вспыхнула. Бекхан заметил, что она порывается бросить что-нибудь резкое, но все-таки сдержалась.

– Подумала, – сказала она, улыбнувшись натянуто, – Дело в том, что эти котельные и теплотрассы, как бы ни были необходимы, очень портят облик наших городов. Я решила применить автономное отопление для некоторых зданий и комплексов, расположенных в центре микрорайона. Такая система отопления будет находиться под зданиями, в специальных помещениях. Я связалась со специалистами из НИИ, они разработали проект тепловой установки, работающей на газе. Находясь рядом с таким крупным месторождением, грех не использовать его.

– Хорошо, а где вы расположили ТЭЦ? И где будет свалка? А где отстойник стоков? – чиновник все еще не воспринимал Виолетту всерьез, – Красота красотой, гармония гармонией, но мы должны думать, и о мусоре и о дерьме, извините за выражение.

Все, кроме Виолетты и Бекхана засмеялись.

– Я подумала и о них, – отвечала она и, попросив у коллеги указку, ткнула им в комплекс, находившийся ниже по течению.

– Вот здесь я расположила ТЭЦ; причем, имеется альтернативный вариант проекта, по которому предполагается установка АЭС. Да-да, вы не ослышались! Мы можем думать об атомной энергетике что угодно, но нам без нее не обойтись. Я изучила этот вопрос – существуют АЭС нового поколения, принципиально отличающиеся от существующих. Уже к середине двадцать первого века природные минеральные ресурсы истощатся. Я думаю, нам не следует бояться своего будущего, а ядерная энергетика – наше будущее.

– Но, ведь этот вопрос не решен даже на правительственном уровне! – заметил удивленно главный чиновник, – Как же вы запланировали установку АЭС?

– Знаю, – в голосе Виолетты преобладали упрямые нотки, – И вы неверно поняли меня – я не запланировала установку, я пока лишь предполагаю. Это две разные вещи. Вообще, нам сейчас нужно задуматься об альтернативных источниках энергии. При нашем равнинном рельефе и практически незатихающих ветрах, мы совершенно не используем их энергию. В мире уже работают довольно мощные ветряные электростанции...

– Не кажется ли вам, Виолетта Владимировна, что мы забрались в область фантазий? Давайте вернемся к нашим реалиям, – вставил младший чиновник.

– Я не считаю прогрессивные и перспективные разработки фантазиями! – отрезала Виолетта, – И почему мы все время сдерживаем внедрение передовых технологий? Сколько нам еще плестись в хвосте цивилизации? Не является ли причиной нашей отсталости и бедности косность и закоренелый консерватизм власть предержащих?

В запале она не заметила, что хватила лишку. Наступила неловкая пауза. Владимир Иванович поспешил сгладить ситуацию.

– Но, насколько мне известно, ни одна из существующих в мире ветряных электростанций не способна справиться с потребностями современного города, даже такого, как наш, – сказал он.

– В том виде, как мы транжирим энергию – нет, – согласилась Виолетта, – Вот как раз пришло время подумать о бережливом отношении ко всем нашим богатствам. Нужно внедрять энергосберегающие технологии везде – в промышленности, в транспорте, в быту. И в строительстве тоже.

– Хорошая идея, – продолжал полемизировать с ней второй чиновник, – У нас идеи всегда хорошие, но как коснется их реализации... вот вы, лично вы, придумали что-нибудь энергосберегающее?

– А как же! – Виолетта взяла из кипы бумаг одну и положила перед своими оппонентами. Те с интересом взглянули на документ.

– Это смета, – объяснила Виолетта, – Заметьте, она несколько превышает смету проекта Замира Дамировича. И, знаете почему? Потому что я предполагаю использовать материалы с лучшими теплоизоляционными свойствами. А они, естественно, более дорогие. И еще. Автономные системы отопления также должны поспособствовать энергосбережению. Все эти котельные и открытые теплотрассы, кроме того, что портят вид, имеют очень низкий КПД.

Чиновник взглянул на нее с большим уважением, нежели в начале разговора.

Виолетта продолжала. Она уже держалась намного увереннее. Бекхан заметил, какой гордостью за дочь осветилось лицо Владимира Ивановича.

– А что касается свалок, то их не будет, – сообщила потом она и у старшего чиновника приподнялась бровь. Выражение его лица как бы говорило: «Что еще вы приготовили нам?»

– Свалок не будет, – продолжала Виолетта увлеченно, – Так же, как и открытых отстойников. Я посетила отстойник на Сасыкоре. Зрелище, я вам скажу, удручающее, не менее удручающее, чем вид городской свалки. После посещения таких мест человек может на всю оставшуюся жизнь стать пессимистом и возненавидеть урбанизацию. Я думаю, пришло время подумать о своих отходах.

– Да? – заинтересованно, но не без налета ироничности в тоне, произнес чиновник, – И как вы собираетесь решить проблему, с которой безуспешно бьется все прогрессивное человечество?

– Почему это безуспешно? – возразила Виолетта, – Я знакома с опытом служб утилизации отходов в мегаполисах развитых стран. Мой проект позволяет решить эту проблему. Все здания и сооружения, пространство под ними, пронизывает специальная сеть мусоропроводов с комбинированной транспортировкой. Поток мусора сосредоточивается в нескольких сортировочных пунктах, от которых к станциям утилизации и вторичной переработки, отсортированный и должным образом упакованный мусор, доставляется по мусоропроводам, а где и транспортом. Мой комплекс не выбросит ни одной пластиковой бутылки, ни одного пакета в окружающую среду. Мусор и отходы послужат ценным сырьем для нашей промышленности. И для нашей энергетики.

– Ну а что касается канализации, я разработала отстойник нового типа – закрытый. Придется построить резервуары и систему утилизации и обезвреживания стоков. В идеале это – целый комплекс, на входе которого будут вместительные емкости, а на выходе – фабрика по производству удобрений и других химикатов. Я консультировалась с биологами, химиками и специалистами коммунальных служб, нашла даже ученых – энтузиастов из нашего технологического института, которые взяли спроектировать комплекс.

– Грандиозно! – воскликнул старший чиновник, – Я покорен, – он не утерял своей иронии, хотя было видно, что рассказ Виолетты произвел на него впечатление.

– Все это замечательно, – не желал сдаваться младший чиновник, – Но смета у вашего проекта... все эти новшества влетят городу в копейчку!

– Но они окупятся! – Виолетта подала чиновникам папку, – Посмотрите – там все расчеты. По ним выходит, что затраты на строительство утилизационного комплекса окупятся максимум за пять лет.

Чиновник полистал папку и растерянно оглядел присутствующих. Владимир Иванович пожал плечами и улыбнулся. Главный архитектор стоял с кислой миной на лице. Он имел достаточные знания и опыт, чтобы понять, как этот альтернативный проект превосходит его собственный во всех отношениях.

– И к тому же, – Виолетта вновь заговорила, и в ее голосе явно зазвучали торжествующие нотки, – по всем остальным параметрам затраты по моему проекту намного уступают смете Замира Дамировича. И это, не учитывая расходов для сноса Сарыадыра и выпрямления русла реки.

– Хорошо, – сказал чиновник – Мы рассмотрим оба проекта на комиссии. Предварительно их изучат специалисты, проверят расчеты, проконсультируются со специалистами из НИИ и министерств. Мы познакомимся с разработками наших вузовских ученых, короче, работы нам хватит. Мы пригласим всех вас на заседание комиссии, где будет вынесен окончательный вердикт.

И он поднялся и за руку попрощался со всеми, задержал руку Виолетты и с чувством произнес:

– Спасибо, Виолетта Владимировна! Вы преподали нам хороший урок.

Виолетта осветилась лучистым светом; она все еще пребывала на взлете вдохновения. Вся она излучала свет таланта, упрямо и вместе с тем грациозно выгибаясь, как молодая лоза, сделала легкий поклон, провожая гостей.

«Боже мой, как она прекрасна! – думал Бекхан, и сердце его щемило сожаление о своих годах, – Как она все же замечательна! И как должен быть счастлив тот, кто заполучит ее в жены и... или в любовницы».

– Как вам проекты? – вернул его к действительности Владимир Иванович, – Чей проект, по-вашему, предпочтительней?

– Я не знаток архитектуры... – начал было Бекхан, но тот вежливо перебил его.

– Извините, Бекхан Кенжеевич, но мне сдается, что вы на себя наговариваете. Вы очень хороший знаток наук и искусств, в этом мы с Виолеттой уже убедились. Думаю, архитектура не исключение. Я хочу знать ваше мнение, как знатока и как рядового жителя, оно важнее, пожалуй, чем мнение специалиста. Я знаю ваше отношение к дочери, поэтому прошу ответить предельно честно, не боясь ее обидеть.

Бекхан взглянул на Виолетту. Она тоже повернулась к нему и легким кивком подтвердила слова отца.

– Хорошо, – начал Бекхан, – Если коротко, то первый проект отличается от второго так же, как хороший, добросовестно выполненный ширпотреб от шедевра. Да. Конечно, это первое впечатление. Мне нравится, как Виолетта Владимировна проработала все вопросы, применила научный подход в решении назревших проблем, все передовое, что наработано у нас и за рубежом. Конечно, решать не нам, но я согласен с ней в том, что мы должны глядеть чуточку вперед, в завтрашний день, а не смотреть под ноги, как бы ни была прочна почва там.

– Да, вы правы, – согласился с ним Владимир Иванович, – Решать не нам. И, боюсь, проект вряд ли пройдет. Власти всегда стремятся к более привычному. Боюсь, там живут именно сегодняшним днем.

Он вздохнул и добавил:

– Ладно, поживем – увидим.

Он задвигал бумагами на столе, и, вновь подняв глаза на Бекхана, сказал:

– Кстати, поздравляю с квартирой. Я хотел сам вручить вам ключи, но Виолетта вызвалась это сделать сама. Можете хоть сейчас вселяться, квартира отделана «в чистую», там все готово к новоселью.

– Владимир Иванович, – начал Бекхан заготовленную речь, – я не могу принять этот подарок.

– А это не подарок, – возразил Ким, – Это премия. За отлично организованную службу охраны. За сэкономленные средства.

– Я согласен с вами в том, что хорошо выполненная работа должна поощряться. Но квартира... это слишком. Такая премия не адекватна моим усилиям.

– Почему? Стоимость ее не превысит суммы, которую сэкономит фирма за год с такой работой охранных служб. Вы оказали нам неоценимую услугу. И потом...

Владимир Иванович улыбнулся.

– ... в ближайшей перспективе руководство фирмы не планирует больше премировать вас. Считайте, что это в некотором смысле аванс.

Затем он перешел на более доверительный тон.

– Прошу вас, Бекхан Кенжеевич, не отказывайтесь от квартиры. Виолетта говорит, что такие люди, такие специалисты, как вы, не должны ютиться в непотребном жилье. И я с ней полностью согласен.

Бекхан с наигранной укоризной взглянул на Виолетту – та пожала плечами, красноречиво расширив при этом глаза, мол, я такого не говорила.

– Живите, не испытывайте никаких неудобств, и тогда и фирма будет чувствовать отдачу от вашего труда.

С этими словами он откинулся на спинку своего кресла, давая понять, что разговор окончен. Но Бекхан медлил, до конца доигрывая свою роль, и тогда Владимир Иванович бросил, шутливо рассердившись:

– Все! Вы свободны. Оба! У меня много дел – я завтра уезжаю в столицу. Привет вашей супруге!

Конечно, Бекхан своей деятельностью сэкономил большие средства, и Владимир Иванович думал о том, сколько будет еще сэкономлено. Но признателен он был за главное – за то, что Бекхан избавил фирму от ненавистного Рахата Аскерова. За один этот подвиг следовало вознаградить мужественного человека, отважившегося посягнуть на представителя всемогущего Аликоева.

Аскеров достал всех; и не было человека, соприкоснувшегося с ним, и не пожелавшего ему погибели. Встречаются среди нас такие, правда, редко, но встречаются. И, хотя нельзя брать грех на душу, проклиная даже такого подонка, но и вправду, таким лучше не жить среди людей, не отравлять их своим присутствием.

Ким был безмерно благодарен Кадиеву, избавившего от необходимости ежедневно лицезреть ненавистного человека. Владимир Иванович возненавидел Рахата с того момента, когда тот соблазнил Ларису, или, как она утверждала, попросту изнасиловал ее. Он не верил жене, но и не исключал того, что все было именно так – от такого, как Аскеров, всего можно ожидать. Он ненавидел его еще и потому, что ощущал свое бессилие, так как знал, кто стоит за ним.

Владимир Иванович не был трусом, и он был способен разделаться с обидчиком, посягнувшим на честь жены, даже зная, что он – человек Аликоева. Если бы... если бы мог позволить это себе. Он был президентом крупной фирмы и не мог думать только о себе. Он мог поставить себя под удар, но фирма, люди, работающие там... он думал, что станет с ними без него. Да и Виолетта...

Аскеров стал сущим проклятием для него; он изводил одним своим видом, своей сытой и самодовольной физиономией, в которую так чесалась рука врезать, как следует. Своей ехидной улыбочкой, которую так хотелось размазать по жирным губам. И как не быть благодарным человеку, подарившему неизмеримое счастье увидеть, наконец, кислое выражение на месте этой неизменной улыбочки.

Владимир Иванович вволю напотешился над своим незадачливым замом, когда тот после решения Аликоева заменить его Бекханом сдавал дела.

– Что это вы решили покинуть нас? – спросил с ехидцей Владимир Иванович.

– Да... – Аскеров мялся, не зная, что придумать, – Хочу отдохнуть. Да и здоровье пошаливает, нужно подлечиться.

– Да, здоровье нужно беречь, – продолжал в том же тоне Ким, – Нужно беречь, не то гляди, крякнешь ненароком.

Аскеров одарил его неприязненным взглядом, в бессильной ярости сжимая кулаки. «Поговорил бы ты у меня раньше!», – словно говорил этот взгляд.

Владимир Иванович очень позабавился, когда вдруг в кабинет вошел Бекхан. На лице Рахата появилось выражение натурального страха, и он весь сжался, втянул шею в плечи. Начал запинаться, заикаться, и так взмок, что когда он покидал кабинет, Бекхан и Владимир Иванович переглянулись – рубашка бывшего зама потемнела на спине от проступившего пота.

В приемной Виолетта протянула Бекхану ключи, но он вновь не взял их.

– Знаешь что, – предложил он, – Поехали к нам. Ты сама вручишь жене эти ключи. А потом поедем смотреть квартиру, ведь я не знаю, где она находится.

Виолетта не возражала.

4

Гостей из Казахстана встречал сам Кантемир Шейхов. Он коротко представился и повел к машине – бронированному лимузину. Юлия крепко держалась за локоть Владимира, – здесь, в чужой стране никак нельзя его потерять.

– Владимир Михайлович, – обратился Шейхов, как только они оказались в просторном салоне автомобиля, – Мужайтесь. Ваш дядя умирает. Вы прибыли вовремя. Может быть, еще застанете его в живых. Поэтому не обессудьте, я должен немедленно отвести вас к нему, он так хочет повидать своего племянника.

– Хорошо, я не против, везите, – согласился Владимир, а сам подумал: «Получается как в „Евгении Онегине“, с той только разницей, что дядя еще жив, и я приехал сюда не один». Краем глаза взглянул на Юлию, которая со счастливым выражением на лице осматривала шикарный салон лимузина и бросала любопытные взгляды на проносящиеся за окнами виды. Город оказался цивилизованным, небо подпирали небоскребы, а ведь она думала, что остров Надежды – это какая-нибудь дыра. Да, здесь можно жить. Тем более, что этот дядя завещал Владимиру миллионы. Так думала Юлия, и строила планы на будущее. А Владимир думал о том, что предпримет в самом начале в качестве владельца компании. Ну, конечно, сначала познакомится с людьми в правлении компании, осмотрится, оценит каждого и будет подтягивать деловых и честных людей.

Когда их ввели в покои Романа Владимировича, там уже была Надежда Романовна с двумя сыновьями – Ромой и Вовой. Она стояла перед умирающим стариком, прижимая к себе своих мальчиков. И молчала. Молчал и старик. Когда к нему подвели Владимира, Надежда Романовна нехотя посторонилась. Владимир молча кивнул ей, наклонился и протянул руку дяде.

– Здравствуйте, дядя, – сказал он, – Меня зовут Владимиром.

Тот поднял на него глаза, но не сумел даже пошевелить рукой.

Вот... ты... какой, – прошептал он еле слышно, а потом добавил еще тише, так, что Владимиру пришлось нагнуться ниже, – Настоящий Павловский... вылитый... отец... мой отец.

Дядя немного помолчал, собираясь с силами, а потом добавил два слова, скосив глаза на дочь:

– Береги... ее...

Это было произнесено так тихо и невнятно, но Владимир понял старика. Конечно же, дядя просит позаботиться о дочери, которая теперь полностью зависит от него.

И все. Глаза у старика закатились, и он безвольно склонил голову на подушку, словно эти несколько отрывистых слов отняли все имеющиеся у него силы.

Похороны Павловского прошли скромно. Проститься с телом усопшего пришли лишь служащие центрального офиса да несколько акционеров и директоров. Владимир шел сразу за гробом, рядом с ним шел Шейхов, а Юлия шла рядом с Надеждой Романовной и они бросали взгляды исподтишка друг на дружку. Потом, когда они помянули старика за традиционной чаркой и когда посторонние оставили Павловских одних, Надежда Романовна сказала:

– Ну, кузен, давай познакомимся поближе. Меня зовут Надей, Надеждой Романовной.

Владимир представился сам и представил Юлию, и они пожали друг другу руки.

– Вы замужем? – спросил Владимир.

– Да, – отвечала кузина, – Но собираюсь подать на развод.

После этого она рассказала кузену о кознях Кантемира Шейхова и Юрия Крымова, и о том, что по их вине Роман Владимирович лишил ее наследства. Владимир задумался. Он хотел тут же разобраться в этом непонятном деле, но Надежда Романовна почему-то заторо-

пилась и, сказав, что завтра, если конечно кузен пожелает, она вызывается познакомиться с островом и со всеми его владениями. Кузен согласился и она удалилась.

Владимир и Юлия поселились пока в особняке у побережья. Прилегающий к особняку участок был обширным – зеленая лужайка, потом смешанный лес, плавно спускающийся к берегу подковообразной бухты, где на причале стояла яхта покойного Романа Владимировича, которой теперь владел его племянник. Владимир со своей новой женой вышли на прогулку. Был погожий, тихий вечер. Пройдя лужайку, они спустились к берегу моря. Ни души. Тишина. Юлия шла чуточку впереди, то и дело оборачивая улыбающееся лицо свое к новому мужу.

– Можно ли предугадать судьбу? – сказала она, – Всего неделю назад я считала, что моя жизнь кончена. Самое лучшее, чего я могла ожидать – это что какой-нибудь вдовец старше меня лет на двадцать предложит мне сойтись. Я ненавидела свою деревню; ее обитатели не любили меня. Да что говорить об односельчанах, когда меня ненавидела родная дочь. Для них всех я была шлюхой, пьяницей. Никому не было дела до моих чувств, до того, что я всю жизнь была жертвой. Да, я любила Вячеслава, но мой первый муж и Николай не позволили мне сойтись с ним. А потом... когда я, наконец, избавилась от этих деспотов, между мной и им встала моя дочь. От этого можно было сойти с ума. Зачем он ей?! Неужели она не могла найти другого? Ведь столько замечательных парней вокруг! Не-ет! Ей нужен был только он – он, который годился ей в отцы.

Юлия вздохнула и несколько шагов прошла в задумчивости, не оглядываясь. Владимир молчал, он не хотел вообще говорить, он бы с удовольствием промолчал всю прогулку по этой незнакомой земле, на которой он оказался по велению все той же судьбы, которая неожиданно соединила двух людей, которые жили, ничего не зная друг о друге.

– А здесь замечательно, – вдруг, без связи со своей исповедью, произнесла Юлия, – И как я благодарна тебе за то, что ты согласился взять меня с собой.

Владимир усмехнулся. Юлия это заметила.

– Да, конечно, я навязалась сама. Но скажи, только честно, я тебе нравлюсь?

Владимир вспомнил их первую брачную ночь в столичном отеле. Эта была бурная ночь! Юлия оказалась отличной любовницей, и она была совершенно другой, нежели Татьяна. Нет, и Татьяну не назовешь холодной, но она не могла бы тягаться с Юлией в темпераменте. Она была – фейерверк страстей! Та ночь словно просветила насквозь эту женщину, словно рентгеном. Конечно, по-настоящему узнать ее еще предстоит, и наверняка у них возникнут сложности, но Владимир уже прощупал ее сущность, ее стержень – это безудержная страстность натуры. И ради своих страстей эта женщина готова пожертвовать всем – она это доказала в той истории с Вячеславом и Леночкой.

Владимир сумел достойно ответить всем ее запросам. Юлия уже была счастлива, тем, что ее новый муж не оказался слабаком, и хотя был на несколько лет старше ее, уверенно продемонстрировал, что способен удовлетворить все ее сексуальные аппетиты. С этим у них было все в порядке. Теперь, прибыв на этот чудный остров с влажным и мягким климатом, оказавшись женой богатого, очень богатого человека, Юлия могла бы счесть себя счастливой. Да, конечно, она счастлива! И только некоторая тревога, нет, скорее неясность их совместного будущего сдерживала ее чувства.

Она остановилась у опушки, когда их глазам открылся великолепный вид тихой бухты. Золотой песок окаймлял бирюзовую бухту узкой полосой, а темный лес обступал колоннадой, словно был стражем этого безмолвного великолепия. Только что скрывшееся за линией горизонта светило обогрело полнеба, и этот багрянец наложил печать трагичности, и души двух новых обитателей острова ощутили двойственное чувство – они восхищались открывшимся видом и одновременно в них поселилась неясная тревога.

А в это время состоялась конфиденциальная встреча Геннадия Аристарховича Цветова и Надежды Романовны Вильсон. Она рассказала о встрече с кузеном, о том, какое впечатление он произвел на нее.

– Судя по всему, кузен готов сблизиться со своей кузиной, – сказала она, и Геннадий Цветов усмехнулся.

– И может статься, что он поделится с ней своими акциями, – добавила она.

– Если только его супруга не воспротивится, – вставил Цветов.

– Да, жена кузена, в отличие от него, держится немного настороженно. Но, как показалось мне, она не имеет влияния на своего мужа.

Цветов вновь усмехнулся.

– Какая жена не имеет влияние на своего мужа? И потом – если ваш кузен умный человек, то он никогда не станет дробить контрольный пакет. А Павловские никогда не были глупцами.

И он залпом опорожнил полный стакан водки. Он заметил, как не понравились его слова собеседнице, хотя вроде бы он сказал ей комплимент, – она же тоже Павловская. Ведь она упирала на то, что ее кузен – подставное лицо во время их первой встречи в его усадьбе. Поэтому он поспешил исправить свою ошибку.

– Если только он настоящий Павловский, – сказав это, он закусил водку ложкой икры.

Встреча проходила в отдельном кабинете самого фешенебельного отеля «Метрополь», на самом последнем его этаже. Внизу расстилался миллионный мегаполис, одноименный с сидевшей за столом женщиной. Огни, тысячи огней, разноцветных, неподвижных и бегущих неоновой рекламы. Где-то на краю этого моря огней, в особняке ее отца на побережье, находится человек, который сам не ведая того, встал на ее пути. Да, Надежда Романовна смогла убедиться, что он настоящий Павловский, хотя у него фамилия не та. Он очень похож на своего деда – в кабинете покойного Романа Владимировича до сих пор висит портрет основателя компании «Надеждинский морской порт», Владимира Михайловича Павловского; так вот, можно подумать, что это портрет этого кузена. И ведь они – дед и внук – полные тезки! Если не считать четырех букв. Надо же!

– Кузен – настоящий Павловский, – возразила Надежда Романовна, – В этом не приходится сомневаться. К сожалению...

– Тогда можете не надеяться, что он поделится с кем-либо своими акциями. Да и Шейхов не позволит дробить контрольный пакет. Увидите – не позднее, чем с завтрашнего дня он возьмет в оборот вашего кузена.

– Да, так оно и будет, – согласилась с ним Надежда Романовна, – Но, если все же мне удастся заставить кузена раскошелиться и отхватить кусок от контрольного пакета, то могу ли я надеяться, что мы с вами объединим свои акции? И сможем ли мы сформировать новый контрольный пакет и таким образом оттеснить кузена с этим Шейховым от кормила компании?

О-о! Цветов с самого начала стремится к этому! Но он понимает, что такое развитие событий было бы слишком простым. Такое вряд ли может произойти в этом реальном мире. Да, конечно, он отдает должное госпоже Вильсон, ее уму и изворотливости, ее коварству и целеустремленности, и кто знает, может ей и удастся развести своего кузена. Но лучше не строить воздушных замков, а выстроить реальную стратегию и тактику, которые позволят справиться с этим варягом, прибывшим из какой-то бывшей колонии России.

5

Виталий Соболев все-таки приехал, как обещал. Но Владимира не застал. И удивился, узнав, что у того объявился дядя миллиардер. Алене нравилось называть дядю миллиардером, это звучало намного солидней, чем миллионер, как она полагала. Никто, конечно, не верил; друзья, подруги, однокашники и соседи не хотели верить в то, что она теперь— дочь миллиардера.

Виталий понравился Алене с первого взгляда, но она не подала виду; глядела на «крутого» бизнесмена сверху вниз – пусть не зазнаётся. Она сказала ему:

– Мы, Павловские, (ей нравилась эта фамилия; казалось, что в отличие от простого Павловы, Павловские звучат аристократически) принадлежим к знатному роду. А мой прадед перебрался на остров Надежды, когда в двадцатом году прошлого столетия эмигрировал из России после гражданской войны. И основал там свою компанию. Называется «Надеждинский международный морской порт». А папин дядя, Роман Владимирович, завещал папе компанию и все свое состояние, так как у него нет наследников.

Виталий не мог представить, чтобы тот избитый, в грязной, рваной одежде человек, которого он подобрал когда-то на шоссе, обладал теперь миллиардным состоянием. И он спросил:

– А как получилось, что ваш дед был миллиардером на том острове, а вы жили здесь?

– Когда прадед покидал Россию, прабабушка моя была беременна. На моего деда. И поэтому осталась – прадед боялся, что она не выдержит путешествия морем. Наверное, он собирался потом приехать за ней, но не сумел. Он взял с собой старшего сына – дядю Романа, тому тогда было пять лет. Оказывается, дядя Роман искал нас всю свою жизнь, а нашел только теперь. Папе передали, что дядя у смертного одра. Поэтому папа уехал так спешно. Ему нужно принять наследство, пока дядя жив.

– А – а... – протянул Виталий с некоторым почтением. Затем поинтересовался:

– У тебя есть братья? Или сестры?

– Нет, – отвечала Алена, – Так что, я – наследница теперь уже папиных миллиардов.

– Да?! – Виталий окинул взглядом девушку, и сделал ей комплимент, – А ты и впрямь миллиардерша.

С тех пор он не называл ее иначе, как Миллиардершей. Виталию нечего было делать здесь, но он не торопился с отъездом. Они с Аленой гуляли по городу, он водил ее в рестораны, казино, ночные клубы и прочие тому подобные заведения для богатых и крутых, в которых никогда не приходилось бывать Алене. Она имела стойкое предубеждение против их завсегдаев. Но оказалось, что публика тамошняя культурная и образованная. Ее поразила утонченная роскошь салонов, изысканная кухня и вежливый сервис. Везде ее встречали приветливые улыбки, мужчины рассыпались комплиментами. Все – и обслуживающие, и посетители, были с ней очень предупредительны, и Алене пришлось изменить свое мнение о людях богатых, тех, которых она прежде обозначала презрительно: «эти тупые крутые».

Она познакомилась с несколькими знакомыми Виталия, которым он представлял ее, как наследницу владельца миллиардов. Алена видела, с каким почтением обращались к ней, слышала, как шушукались дамы, передавая друг дружке магические слова: «наследница миллиардов!», «ее отец уехал принимать наследство в несколько миллиардов долларов!», «оказывается, они теперь владеют целой компанией!»

Но потом Виталию пришлось уехать к себе – дела. После его отъезда Алена почувствовала пустоту, и поняла, как привязалась к веселому и ироничному парню. Уезжая, Виталий поцеловал ей руку и пригласил в гости. Она обещала приехать.

Татьяна, узнав об освобождении и отъезде Владимира, приуныла. Известие о дяде-миллиардере, завещавшем Владимиру все свое состояние, довольно сбilo ее спесь, и она ходила

теперь в постоянной задумчивости. Семен Игнатьевич всячески старался низвести Владимира в ее глазах.

– Ну и что, что он унаследовал миллиарды? – говорил он, – Нужен ум, чтобы не транжирить доставшееся наследство. А он, (Семен Игнатьевич никогда не называл Владимира по имени, обозначая местоимениями) не имеет ни ума, ни бережливости, и достаточно безалаберен, чтобы спустить это наследство. Помяни мое слово – так оно и случится! Пропить, профукать миллионы многого ума не надо.

Раньше Татьяна обязательно поддакнула бы, но сейчас что-то расхотелось. И она неожиданно оборвала его:

– Да не каркай ты!

И добавила презрительно:

– Завидуешь, да?

Семен Игнатьевич был поражен.

– Что с тобой?! – взвился он. Разговор происходил параллельно с готовкой, которой занималась Татьяна. Все у нее не ладилось; посуда гремела, выскальзывая из рук. В мусорном ведре лежали осколки большой чашки, и Семен Игнатьевич не преминул сделать замечание по этому поводу.

Татьяна разозлилась. Ей захотелось назло ему перебить всю имеющуюся посуду.

– Да не мельтеши ты тут! – прикрикнула она, – Чего без толку мотаешься? Помог бы лучше. Вон, картошку нужно почистить, я не успеваю.

– Ну, знаешь! – оскорбился Семен Игнатьевич, – Тебе не превратить меня в прислугу!

– Да ну! – Татьяна озлилась не на шутку, – Еще как превращу! Кого ты корчишь из себя? А?! Кто ты вообще? Ноль без палочки! Держишь паршивый магазин и считаешь себя пупом земли? Ком-мерса-ант! Торгаш ты, вот кто! Спекулянт несчастный!

И она сплюнула. Семен Игнатьевич побледнел и только повторял, запинаясь, пуча свои инопланетные глаза:

– Да т-ты! Т-ты...

Не выдержав напряжения, он подался в кабинет, но и там не усидел – уехал в свой супермаркет, где сорвал зло на служащих. Досталось всем – от заведующих отделами до охранников.

Татьяна не могла не поверить рассказу Алены о дяде – миллиардере. Алена показала матери и отчиму свою долю долларов, которые оставил ей Владимир. Специально, чтобы досадить им. Семен Игнатьевич долго изучал доллары, щупая и рассматривая их на свет, два раза пересчитал их, не веря самому себе.

– Вроде не фальшивые, – разочарованно произнес он.

Сообщение Алены выбило Татьяну из привычной уверенно – сытой колеи. Она как бы обрела новое зрение и заметила всю убогость своего существования. Она начала вспоминать любовные утехы с Владимиром. С Семеном Игнатьевичем она не имела секс в его обычном понимании, удовлетворяясь вялым ерзанием, которым он одаривал ее примерно раз в месяц. Дотоле она обманывала себя, соглашаясь с ним в том, что «они пожилые и солидные люди, что они уже перебесились, и что им не к лицу страдать подобной ерундой». Но теперь она поняла, что вовсе не «перебесилась», и что она достаточно жива, чтобы иметь добротный секс хотя бы раз в неделю.

Ей вдруг опротивели жирные руки теперешнего мужа. Его неуклюжие ласки, его ровный, занудный голос, его толстый живот, его привычка громко пердеть с выражением важности происходящих в его кишечнике процессов на своем одутловатом лице. Он весь ей опротивел. Лежа с открытыми глазами рядом с Семеном Игнатьевичем, слушая его раскатистый храп, Татьяна вспоминала, как месил ее Владимир, разминая ее тело до последней косточки, до последнего хрящика, доводя ее до полного экстаза.

Воспоминания распалили ее, и она со слезами на глазах мастурбировала, постанывая и выгибаясь своим отучневшим за последние годы телом. Однажды Семен Игнатьевич проснулся внезапно и всполошился:

– Что с тобой? Ты заболела?

На что она отреагировала слишком резко:

– Чего не спишь?! Храпи дальше, болван ты бесчувственный!

Ее душили слезы; впервые после развода с Владимиром она заплакала, заревела, от обиды на него, от обиды на себя...

– Дура я, дура! – кляла она себя, – Господи! Какая я, в самом деле, дура!

После той ночи она запила. Сначала только прикладывалась к рюмочке наливки, настойки, хорошего вина, но скоро перешла к водке. И начала курить. Если то, что она «тяпнула малость» удавалось как-то скрывать от Семена Игнатьевича, то запах табака он учуял сразу.

– Не пойму, почему здесь пахнет дешевым куревом? – спросил он, морща нос, – Кто-то был у нас?

– Кто к нам придет?! – отвечала Татьяна зло.

– Но откуда здесь такой запах?

– Оттуда!

Семен Игнатьевич недоуменно пожал плечами, и до конца ужина не проронил ни слова, выводив Татьяна из себя тем, что время от времени принимался с подозрением.

Но шила в мешке не утаишь, и скоро он застал Татьяну пьяной. В стельку! Она лежала на диване с дымящей сигаретой меж пальцев. Он бешено затормошил ее, а она только плевалась и материлась. Можно представить его возмущение, и можно представить скандал, который он закатил наутро. Но Татьяна нахально отшила его.

– Я буду пить, сколько хочу, и когда захочу! – орала она, пугая его свирепым с похмелья лицом.

– И курить буду, не смей делать мне замечания! Я не продавщица в твоём магазинчике.

Его особенно выводило то, что его гордость, его супермаркет она называла теперь паршивым магазином или магазинчиком.

– Но ты мне жена! – попробовал он урезонить ее.

– Ну и что?!

Татьяна стояла, уперев руки в бока и угрожающе нависая над ним.

– Жена – не рабыня! Я буду делать, что мне вздумается. А если недоволен – вон дверь!

Татьяна сама удивилась своей наглости – квартира, на дверь которой она указывала, принадлежала ему. Но он не посмел напомнить об этом.

Семен Игнатьевич вынужден был обратиться к Алене. Он встретил ее на улице возле университета. Падал редкий пушистый снег. Снежинки лениво опускались на асфальт, превращаясь под ногами прохожих в грязную кашу. Семен Игнатьевич печально глядел на бюст какого-то деятеля, украшавшего двор вуза. Небольшой пуфик из слипшихся снежинок образовался на носу деятеля, делая того похожим на клоуна. Но Семену Игнатьевичу было не до смеха.

– Алена, я хочу поговорить с вами об очень важном деле, – начал он, не зная, как приступить к разговору, – На очень серьезную тему.

И он завздохал. Алена не понимала, что нужно отчиму. Она спешила, а Семен Игнатьевич мялся, неизвестно отчего. Она не узнавала его; прежде он всегда был таким уверенным, если не сказать, – самоуверенным.

– Ну, говорите же! – прикрикнула она, – Что-то случилось? Где мама? Что-то с ней?

– Нет, не с ней – тянул Семен Игнатьевич, – То есть, да...

Затем предложил:

– Давайте сядем в машину, здесь так холодно. И снег... такой мокрый.

– Дядь Семен, я тороплюсь! Что вы тянете! Говорите же, что с мамой!

– Я хочу поговорить с вами, – продолжал Семен Игнатьевич, начиная злить падчерицу, – Так продолжаться дальше не может. Это какой-то кошмар! Вы должны поговорить, посодействовать.

– С кем поговорить? В чем посодействовать?!

– С Татьяной – она стала совсем неуправляемой.

– Мама? – удивилась Алена, – А что с ней? Вы поссорились?

– Да... – и Семен Игнатьевич тут же опроверг себя, – То есть, нет.

– Так поссорились или нет?!

– Дело не в ссоре. Татьяна... как бы это сказать... Может, сядем в машину, – предложил он вновь, выведя Алену из себя.

– Да говорите же, что с мамой! – крикнула она, – Чего заладили: «в машину» да «в машину»! Чего я не видела в вашей машине?

Семен Игнатьевич вздохнул и сказал:

– Татьяна начала пить. И курить.

Алена молчала, усваивая услышанное.

– Алена, прошу, сядем в машину, – еще раз попросил Семен Игнатьевич, – Это не пяти-минутный разговор.

Алене пришлось уступить. Оказавшись в салоне иномарки отчима, она предложила:

– Расскажите обо всем по порядку.

Семен Игнатьевич долго усаживался на своем кресле. Потом завел мотор и включил отопитель. Алена с выражением откровенной неприязни на лице следила за его движениями и думала: «Что я делаю в этой машине с этим человеком? Что у нас общего, какие у нас с ним могут быть дела?»

Наконец, отчим вперил немигающие зенки свои в Алену, и заговорил, изобразив высший драматизм на своем фантастическом лице:

– Татьяна совсем изменилась, стала нервной, психованной, – сообщил он, – Ругается по пустякам, цепляется по мелочам. Недавно мне показалось, что она пьяна, но я подумал – может, просто устала. Хотя отчего бы ей устать? А как-то от нее несло дешевым куревом, я и подумал, что у нас был кто-то посторонний. Я сказал ей об этом, а она накричала.

Семен Игнатьевич жаловался, а Алена думала злорадно: «Ага! Все-таки у мамы открылись глаза».

– А сегодня... а вчера... я приехал домой, а Татьяна... а она – пьяна вдрызг! В дупель! А в руке – сигарета. Тлеющая сигарета! А что, если б она упала на ковер?

И он так выпучился на свою падчерицу, словно она должна была ответить, что было бы, упавши та сигарета на ковер.

– Чего, собственно, вы хотите от меня?

– Как – чего? – Семен Игнатьевич растерялся, – Поговорите с ней, пусть прекратит... безобразничать.

– А вы сами пробовали говорить?

– Да... но она указала мне на дверь.

– Ага! – вырвалось у Алены, – Каково?! Каково было папе, когда мама указала ему на дверь, когда выставила его из дому? Вы оба презирали его, осуждали, когда он с отчаяния запил. А ведь ему негде было жить! И вы запьете, если мама выгонит вас из дома.

– Но позвольте! – возмутился ее отчим, – Почему она должна выгнать меня из моей собственной квартиры?

– Послушайте, Семен Игнатьевич, – Алене расхотелось называть его дядей Семеном, – Оставьте меня в покое! Разбирайтесь сами в своих проблемах. Если не хотите жить с мамой, то так и скажите – я ее заберу. Я сегодня же позвоню ей.

С этими словами Алена покинула машину. Семен Игнатьевич крикнул вослед:
– Но я не гоню Татьяну! Даже наоборот...
Но Алена уже бежала к остановке.

Татьяна продолжала пить, и не проходило дня, чтобы Семен Игнатьевич не заставал ее пьяной. Скоро у нее появилась «подруга» – какая-то пьянчужка с улицы. Семен Игнатьевич попытался выставить ее, обзывая «бомжихой», «бичухой», чем навлек на себя гнев жены. Татьяна рвала и метала. Она обзывала его последними словами.

– Ах ты, старый пердун! – кричала она, швыряя на пол тарелки, – Черт пучеглазый! Паук! Крохобор! Козел вонючий!

Татьяна сорвалась с тормозов; брызга слюной, наступала на мужа. Он укрылся в кабинете, но Татьяна, шатаясь, стучаясь о стены и мебель, пробралась туда, и продолжала обзывать, сдабривая слова отборным матом.

Семен Игнатьевич подавленно молчал, боясь поднять глаза на ее пышущее ненавистью лицо. А когда она начала сопровождать ругательства ощутимыми толчками и тумаками, трусливо бежал. Избавившись от него, Татьяна продолжила пьянку, пока совсем не выключилась. После чего ее «подруга» обчистила квартиру и исчезла.

Семен Игнатьевич провел ночь в своей машине. Вначале он бесцельно колесил по городу, бессильно ярясь и выражая в пространство свое возмущение. Затем припарковался возле какого-то ночного клуба, мигавшего разноцветными огнями. Подъезжали машины, из них выходили хорошо одетые мужчины и женщины в мехах и шли, смеясь и переговариваясь, в клуб.

– Что делать? – думал Семен Игнатьевич, – Татьяна сошла с ума. А все из-за этого... из-за него... как только узнала, что он станет миллиардером. Миллиардер! Господи! Какой из него миллиардер! Смех один! Но черт с ним, с этим «миллиардером»! Что с Татьяной-то делать? Алена? Бесплезно! Она даже рада, что мать запила. Она, конечно, торжествует теперь. Неблагодарная! Я оплатил ее учебу наперед, а она, как только в руки попали баксы, задрала нос. Но, черт и с ней! Что с Татьяной делать?

Так и не найдя ответа на этот вопрос, покинул стоянку у клуба и выехал из города. Он помчался по загородному шоссе, развив рекордную для себя скорость в сто километров в час.

«Тише – разобьешься!» – предупреждал благоразумный внутренний голос.

«Ну и пусть!» – говорил другой внутренний, отчаявшийся, заставляя давить на газ.

В конце концов, победило благоразумие, и Семен Игнатьевич сбавил скорость, и свернул к какому-то придорожному мотелю, где, поужинав, остался ночевать. Он проворочался остаток ночи на сырых простынях, провонявших хлоркой, и чуть свет вернулся домой. Обнаружив квартиру ограбленной, устроил скандал. Татьяна огрызалась и даже попыталась вновь выдворить его. Но на этот раз он возмутился.

– Нет уж, это ты «мотай отсюда»! Это моя квартира, ты что, забыла?

– А-а! Так ты гонишь меня? – взвилась Татьяна, словно того и ждала.

– Нет, не гоню. Но, согласись, ты переходишь все границы. Напилась, как...

Семен Игнатьевич замялся. Он не решился сказать «как свинья», и продолжал:

– ... не знаю, кто! Привела какую-то бичуху. Как прикажешь теперь заявлять в полицию? Сказать, что жена сама привела воровку?

– А что – так и скажи! Тебе же пропавшее добро дороже, чем я.

Татьяна и не думала отступать.

– Иди, звони, вызывай ментов. Чего стоишь? Засади меня в тюрьму!

Видя, что ничего от нее не добьется, Семен Игнатьевич уехал на работу. Персонал супермаркета вновь стал козлом отпущения, теряясь в догадках, что происходит с их шефом. Как

всегда в таких случаях, зашушукались по углам, поползли слухи, выдвигались версии, выдумывались небывлицы, и распространялись, обрастая невероятными «подробностями».

А Татьяна решила опохмелиться и отправилась в магазин. Выходя оттуда, столкнулась с одним знакомым. Антон Жилин, так звали бывшего соседа по рынку, взглянул на помятое лицо Татьяны.

– Что с тобой, Тань? – участливо поинтересовался он.

Та обреченно махнула рукой.

– У тебя проблемы?

– А у кого их нет?

Антон задержался на минутку.

– Подожди меня в машине, я сейчас...

И взбежал по ступенькам. Татьяна узнала его пикап, но не стала садиться. Она стояла, прислонившись к машине, защищаясь ею от пронизывающего ветра.

– Садись, что ж ты мерзнешь – машина не заперта, – крикнул Антон, возвращаясь.

– Куда тебя отвезти? – спросил он, когда они оказались внутри.

Татьяна пожала плечами. И поинтересовалась:

– У тебя есть стакан? Или кружка?

Антон присвистнул, когда увидел в ее руках бутылку водки. Он достал из бардачка пластиковый стакан. Татьяна быстро и умело вскрыла бутылку, налила полный стакан и выпила залпом, вызвав удивление Антона. Потом сделала жест рукой со стаканом, как бы спрашивая: «Будешь?», но он отказался.

– Ты же знаешь – я не пью. Что же случилось, Таня?

– Ничего особенного.

– Но я же вижу – что-то произошло.

– Наверное...

Татьяна устремила взгляд вперед, усаживаясь поудобней. Алкоголь всосался в кровь, и пошел циркулировать по организму, перебивая похмелье. Щеки женщины порозовели, на лбу выступила испарина. Она взглянула на бутылку, раздумывая, не стоит ли добавить еще.

– Ты что, спиваешься? – сказал наблюдавший за ней Антон.

– Ага, – подтвердила Татьяна, заворачивая крышку бутылки.

– Почему?

– А хрен его знает! Жизнь такая пошла.

– А я думал, – у тебя все о кей! Ты же, вроде, вышла замуж за крутого коммерсанта.

Татьяна усмехнулась. «Вышла замуж за коммерсанта, а могла быть теперь женой миллионера», – невесело подумала она. А вслух сказала:

– И что? Вышла замуж за коммерсанта – и все? Ноу проблем? И женщина должна быть счастливой? Да?

– Ну, не знаю...

– Я сейчас вспоминаю те времена, когда мерзла на рынке зимой, или парилась в жару, добывая копейки. Тогда я была счастлива, хотя Владимир и слонялся без работы, и я иногда не знала, в чем отправить Аленку в школу. Теперь я поняла, что, проклиная судьбу, кляня Владимира, я не заметила, как рассталась со своим счастьем.

Татьяна замолчала.

– Что, этот Семен Игнатьич обижает, да? – осторожно поинтересовался Антон. Татьяна усмехнулась.

– Да нет, – отозвалась она со слабой улыбкой, – Хотя... хотя с какой стороны посмотреть. Нет, он не прикладывает руки, наоборот. Я сама, если надо, так отделаю его, что мало не покажется.

Антон непонимающе смотрел на нее.

– Тогда что? Словами достает? Зануда, небось? Ну и жадный, наверное? Скандалит из-за каждой тенге?

– Нет, не угадал. Денег хватает, Алене помогаем. Дело не в этом.

Татьяна замолчала, раздумывая. Она достала из кармана пачку дешевых сигарет, и, взяв одну, прикурила от зажигалки. Антон присвистнул.

– Да, я курю, – сказала Татьяна, выпуская клуб дыма.

– Нет, дело не в деньгах, – продолжала она, – И Семен ничем особо не достает.

– Тогда в чем дело? Что-то не пойму я тебя.

– Да, в общем-то, ни в чем, – Татьяна взглянула на своего бывшего коллегу так, словно сомневалась в его способности понять ее.

– Ни в чем. Если не считать самой малости – не нравится мне он.

Антон хмыкнул. Татьяна одарила его вызывающим взглядом.

– Чего хмыкаешь? Думаешь – я бешусь с жиру? Много вы, мужчины, понимаете...

И она, наполнив стаканчик, выпила еще. Антон вырвал бутылку из ее рук.

– Ты чего?! – вскинулась Татьяна.

– Хватит пить! – и он, завертев крышечку на место, положил бутылку в бардачок. Потом включил передачу.

– Куда это мы? – спросила Татьяна.

– Развезу оставшийся товар, а потом поедem ко мне. Погостишь у меня, отдохнешь. А там посмотрим.

Татьяна не стала возражать. Она пожала плечами, мол, «делай, что хочешь – мне все равно».

Прибыв на квартиру Антона, Татьяна первым делом посетила туалет, потом приняла ванну и вышла оттуда посвежевшей. Ей не хотелось облачаться в свое тесное платье; она накинула на голое тело поданный Антоном халат и, расчесывая волосы, прошла в единственную комнату, служившую одинокому мужчине и спальней, и гостиной.

Там было чисто и уютно. Единственное окно выходило на одноэтажную окраину, и Татьяна окинула взглядом засыпанные снегом дома, дымившие трубами в пасмурное небо. Кое-где темнели фигурки одиноких прохожих; некоторые шли с салазками от водоразборной колонки. В сторонке мальчишки гоняли шайбу, бегая за еле заметным черным диском, толкаясь и крича. Из-за крайнего дома показалась бричка с запряженной в нее приземистой лошадкой. Коняге приходилось туго – колеса вязли в не успевшем укататься снегу, да и поклажа была не из легких. Завидев бричку, мальчишки бросились к ней наперегонки; двое сумели зацепиться за задок воза и тащились на ногах, словно на лыжах. Остальные, нагнав, стали толкаться, пытаясь отпихнуть их. Возница что-то кричал, не сумев достать мальчишек своим коротким кнутом.

Весь открывшийся из полузамерзшего окошка вид дышал покоем, деревенской идиллией, и Татьяна захотелось остаться тут насовсем. Она вспомнила роскошные апартаменты Семена Игнатьевича, и ее всю передернуло. Она повернулась, и ее взгляд упал на двуспальную кровать Антона, покрытую незатейливым покрывалом. Всем своим немалым весом опустилась она на нее и провела рукой по мягкому ворсу плюша. Затем откинулась и смежила веки. Она лежала, и ей не хотелось ни о чем думать; не хотелось ничего делать. Тело ее отдыхало, свободно дыша в просторном халате, и на нее накатила сладостная дрема.

Антон быстренько приготовил обед, – яичницу, нарезал соленых огурчиков, и, выставив на стол бутылку хорошей водки из холодильника, позвал Татьяну. Она не откликнулась. Он прошел в спальню и остановился у порога. Дородная женщина свободно раскинулась на кровати, и не застегнутые борта халата разошлись, обнажив полные груди и выпуклый живот. Взгляд одинокого мужчины невольно скользнул ниже, туда, где курчавился рыжий треугольник.

Татьяна была хороша. Пышные формы ее соблазнительно округлились, светлая кожа отливала матово, широкое лицо с крупными, правильными чертами разругалось и дышало здоровьем. Антон залюбовался.

Женщина, лишенная настоящей мужской руки, бессознательно звала прикоснуться, приласкать, приложиться. Антон угадал это инстинктивно. Он присел на кровать и осторожно положил ладонь на одно из полушарий груди. Веки Татьяны чуть-чуть приподнялись, и Антон встретился с ее взглядом. Она словно ждала, что последует дальше. Поощренный этим взглядом, Антон провел рукой по ее животу и прошелся пальцами по нежным кудряшкам. Татьяна вздохнула и потянулась.

Антон прилег к ней, обнял, и Татьяна застонала тихо от нахлынувшего желания. Без предисловий, лишь приспустив спортивную, вошел он в нее, навалившись всем своим весом, и стал тискать и мять. Она постанывала, потом вздохи ее участились и вот из ее горячего рта стали вылетать всхлипы – стоны.

Крепкая женщина легко подбрасывала тяжелого мужчину. Но и он не скупился и месил ее от души. Истосковавшая по здоровому, настоящему сексу женщина была на вершине блаженства, и ей казалось, да что там казалось! – она любила, обожала это сильное тело мужчины, мужика, самца.

После первой бурной близости Антон не слез с Татьяны. Он видел в ее наполненных признательностью глазах некую еще неудовлетворенность. Они просили продолжения. Антон нежно проводил пальцами по плечам, губы ласкали мочки ушей, касались шеи, губ и щек женщины, бабы, самки.

И ее мягкие ладони не бездействовали – гладили мускулистую спину, ворошили короткие жесткие волосы на его затылке. Ее глаза благодарили и призывали к новому соитию. И оно последовало. Организм Антона выдавал накопившиеся запасы, и они занимались сексом до полного изнеможения.

Наконец, Антон откинулся и отключился. Они оба заснули, провалились в короткий, но глубокий сон полностью удовлетворенных людей.

Когда после помывки они сидели и с добрым аппетитом уплетали остывший обед, озорно переглядываясь, казалось – нет счастливее пары. Татьяне совсем не хотелось покидать эту крохотную квартиру, тихую пристань, где все дышало сонным покоем. Она осталась, и они едва не развалили шаткую кровать, не рассчитанную на то, чтобы над ней глумились два нехилых человека.

Семен Игнатьевич терялся в догадках, гадая, куда же подевалась Татьяна. У Алены ее не было – он звонил. Падчерица встревожилась, предложила обратиться в полицию, но он отговорил, сказав, что не стоит пока поднимать шум.

Он не знал, что и думать. К нему подкралась мысль, что, возможно, та бомжиха – лишь прикрытие. Что немалые деньги в СКВ и драгоценности унесла Татьяна, и что, вполне возможно, она покинула город, а может, и страну. Эта мысль не давала ему покоя, и он несколько раз подходил к телефону, намереваясь позвонить в полицию. Но, каждый раз его что-то останавливало. Он надеялся, что его предположение неверно. И что Татьяна вернется. Он боялся попасть впросак, и он боялся опозориться. Так он и маялся, пока не позвонила Алена. Она спросила:

- Мама дома?
- Нет ее! – несколько резко ответил Семен Игнатьевич.
- Так и не появлялась?
- Нет.
- Я что-то не пойму, Семен Игнатьевич, мама ушла от вас? Да?
- Откуда я знаю! – отчим еле сдерживался, чтобы не сорваться на крик.

– Что вы на меня кричите! – возмутилась Алена.

Семен Игнатьевич сбавил тон.

– Извините. Но и вы поймите меня – меня ограбили. Ограбили тысяч на двадцать, баксов! Это низко! Это подло!

– Кто ограбил?

– Кто? Ваша мама! Как она могла! Я по крупичкам собирал эти деньги, сколько труда, сколько пота...

Алена перебила его.

– Пойдите – пойдите! Как – мама?! Вы что, подозреваете ее?

– А кого же еще подозревать? Привела какую-то бомжиху, напилась до бесчувствия... бомжиха та «вычистила» квартиру и исчезла. А на другой день исчезла и сама Татьяна. На кого мне теперь думать?

Алена секунду молчала, затем произнесла с нажимом:

– Это вы напрасно – мама на такое не способна. Во всяком случае, была неспособной до вас, до того, как сошлась с вами. А что до вашего «пота», то знаете, что я думаю? Ведь вы сами знаете, что лжете! Какой труд? Какие крупички? Вы нажились, грабя простых людей. Таких, как папа, как эта женщина, которую вы презрительно обзываете бомжихой. Все правильно, все справедливо: вы грабили – теперь вас ограбили.

Семен Игнатьевич бросил трубку, не дослушав. Он был в бешенстве.

6

Заманжол все более вдохновлялся успехами Алтынай. Она находилась на их с Аминой попечении всего три месяца, а уже говорила понемногу, и под руководством своей старшей – младшей сестры училась писать и читать. Заманжол не позволял Алтынай подолгу лежать, утром поднимал ее, нес в туалет, затем она умывалась самостоятельно и даже чистила зубы. Она уже умела сидеть, он часто ставил ее на ноги, настойчиво учил стоять, но пока ничего не получалось. Он вспомнил о своем музыкальном даре, и, достав из антресолей свою старую гитару, пел Алтынай песни своей юности. Та слушала внимательно и очень живо реагировала – раскачивалась в такт, прихлопывала ладонями, даже пыталась подпевать, смешно гукая. Было видно, что пение доставляет ей несказанное удовольствие.

Балжан и раньше не приветствовала песни и игру на инструментах – у нее напрочь отсутствовал слух. А теперь аккорды и переборы просто выводили ее из себя.

– Прекрати брэнчать свои серенады! – кричала она от телевизора.

– Алтынай нужно развивать музыкальный слух, – возражал Заманжол.

– Но ты мешаешь слушать телевизор!

И Заманжол, вздохнув, откладывал инструмент. Алтынай смотрела на него просительно, она хотела еще. Тогда, в том пионерлагере, Заманжол часто пел, аккомпанируя себе на гитаре. И замечал, какими глазами смотрела на него Алтынай. Она и сама имела приятный голос, и часто подпевала ему. Заманжол знал, что сейчас она утратила все свои певческие способности, и что теперь нужно работать над формированием ее музыкального слуха. Но и просто находясь рядом с ней, ему хотелось петь. Но Балжан...

Она по-прежнему наблюдала за занятиями с подозрением. Однажды Заманжол попросил денег из оставленных Владимиром долларов, чтобы купить инвалидную коляску для Алтынай, но получил отказ.

– В чем дело? – нахмурившись, спросил Заманжол.

– Ты не истратишь на нее ни одного цента. Хватит!

– Почему?

– Потому что эти доллары Владимир подарил мне.

– Тебе?! С чего ты так решила?

– Дарственная написана на мое имя. Ты что, забыл?

Заманжолу противно было препираться из-за денег, но коляска была необходима Алтынай, ведь ее нужно было выводить на улицу. И он сказал примирительно:

– Ладно, они принадлежат нам обоим. Если хочешь, разделим деньги поровну, и можешь делать со своей половиной все, что пожелаешь.

Но Балжан не согласилась.

– Нет, тебе из них не принадлежит ни один доллар. Я не позволю растратить их на всякие глупости.

– Ты шутишь?!

– И не думала! Эти деньги подарены мне. И не надо так на меня смотреть. Мы обходились без излишеств, обойдется и она. Хватит и того, что ты не оставил ни одного тенге на депозите. Я куплю участок за городом и построю на нем дом. Не ютиться же в этой квартире всю жизнь!

Заманжол понял, что может не рассчитывать на доллары, оставленные другом. А ведь Алтынай так нужна коляска, да к тому же он планировал приобрести специальные тренажеры, наглядные пособия и много всего другого.

Как-то Балжан привела домой Боту и еще одну учительницу по имени Лейла. Женщины поглазели на Алтынай, и пошли пить чай.

– Ну, как вам она? – спросила Балжан.

– Не знаю, так себе, – отвечала Бота, скосив свои и без того косые глаза на Лейлу.

– Нет, неправда, она очень красивая, – сказала та, словно специально подливая масла в огонь.

– То-то и оно, что красивая, – вздохнула Балжан, – Заманжол целыми днями не отходит от нее.

– И что он делает с ней? – Бота отличалась привычкой задавать глупые вопросы.

– Возится... учит говорить, читать и писать. Научил сидеть, теперь бьется над тем, чтобы она могла стоять и ходить. Хочет купить для нее инвалидную коляску, чтобы прогуливать по городу. Но я денег не дала, так он ходит на станцию – разгружает вагоны.

– А ты не думаешь, что эта краля водит тебя за нос? – предположила Лейла.

Балжан вздохнула.

– По правде говоря, я не знаю, что и думать, – сказала она, – Вроде бы точно ненормальная, но иногда мне кажется, что она дурачит меня.

– А я знаю, как определить, ненормальная она или просто прикидывается, – заявила Лейла.

Балжан взглянула недоверчиво, а Бота отставила пиалу, которую уже поднесла ко рту.

– И как же?

– Очень просто. У ненормальных зрачки не реагируют на боль, не сужаются.

– Правда?

– Конечно! – Лейла скорчила гримасу, мол, как можно не знать о таком общеизвестном факте.

– Что – забыли историю о Камо?

– Камо? – Балжан морщила лоб, пытаясь вспомнить, кто это.

– Ну да, Камо! Это революционер, он прикинулся ненормальным и...

– Да-да! – воскликнула Балжан, – Вспомнила теперь.

– И, что ты предлагаешь? – спросила она затем.

– Мы можем сейчас же проверить эту девушку, и, либо вывести ее на чистую воду, либо избавить тебя от сомнений.

– И как мы это сделаем?

Лейла решительно встала.

– Пошли! – бросила она и направилась к Алтынай. Заинтригованные подруги последовали за ней.

– Сейчас я буду следить за ее зрачками, – сказала Лейла, усаживаясь лицом к лицу Алтынай, отчего та обеспокоено завертела головой, озираясь на женщин, от которых, судя по их глазам, она ничего хорошего не могла ожидать. Лейла бесцеремонно ухватила ее за подбородок и силой повернула лицом к себе.

– Я буду следить за ее зрачками, – повторила она, – А ты, Балжан, ущипни ее.

Балжан исполнила команду, чувствительно ущипнув Алтынай в спину. Та дернулась, но не посмела вскрикнуть.

– Ну, как? Сузились зрачки?

– Нет, вроде не сузились, – неуверенно сказала Лейла, затем добавила, – Нужно сильнее, что ей твой щипок!

– Нужно причинить сильную боль, – согласилась с ней Бота, – Камо, например, вгоняли булавку под ногти.

Балжан озадаченно взглянула на нее. Бота смутилась.

– Ты что! Я не предлагаю с ней проделать то же самое. Просто боль от щипка недостаточна для опыта.

– Да, Бота права, – сказала Лейла, – Нужно, чтобы ей по-настоящему стало больно. Давай, Балжан, тащи иголку. Нет, успокойся, не под ногти – мы же не изверги. Просто незаметно уколешь ее в спину или в попку; ничего ей не сделается – уколы же получала.

И, видя, что та медлит, поторопила:

– Давай – давай! Не то еще Заманжол вернется. Зато точно узнаешь, и нервы будут на месте.

Упоминание о скором возвращении Заманжолы возымело действие, и Балжан, подумав: «Да, что там укол в ягодицу, пустяки!», принесла самую маленькую иголку и по команде Лейлы вонзила в мягкое место Алтынай. Та дернулась и вскрикнула.

– Сузились! – торжествовала Лейла, – Зрачки сузились – она нормальная.

– Правда? – не поверила Балжан, – Точно сузились?

– Что – не веришь мне? – вскинулась Лейла и повернулась к Алтынай; та беззвучно плакала. Но ее слезы не тронули бессердечную учительницу.

– Девушка, хватит ломать комедию! – бросила она, – Не на тех нарвалась!

Балжан все еще не верила.

– Неужели она прикидывалась все это время? – сказала она, и Лейла поджала губы.

– Не веришь? – сказала она, – Тогда смотри сама!

И предложила свое место Балжан.

– Давай, посмотри сама. А я уколю.

– Ты что – ей же больно! – Балжан пыталась воспрепятствовать повторению опыта, но Лейла силой усадила ее против Алтынай.

– Вот святая доброта! Ее дурачат, как девчонку, перед самым ее носом занимаются блядством, издеваются над ней, как хотят, а ей жалко! Да если больно, пусть сейчас же встанет и уйдет из твоего дома, – кто ее держит?

И Лейла склонилась над несчастной девушкой и, уставившись в ее наполненные страхом глаза, процедила:

– Ну, что ты сидишь? Тебя раскололи, разве не понятно? Хватит корчить из себя инвалидку, вставай!

Алтынай заплакала уже по-настоящему, оглядываясь на женщин, словно умоляя оставить ее в покое.

– Не понимает! – выдохнула Лейла, – Вот скотина! Разрушают такие сучки семьи, как будто мало холостых парней. Ух, убила бы!

В прошлом году от нее ушел муж, очевидно, не выдержав ее характера. Женился на девушке, и теперь Лейла была особенно пристрастна.

– Что будем делать? – спросила Балжан.

– Что – что! Выкинь ее из дому, чего цацкаешься?

– А если она и вправду больна?

– Что ты будешь делать с ней! – воскликнула Лейла.

– Смотри – убедись сама! – с этими словами она всадила иглу в спину Алтынай, удерживая ее за волосы, не обращая внимания на ее крики и плач.

– Ты видишь теперь? – шипела она, – Видишь?!

Балжан поспешила согласиться, но и тогда Лейла не вынула свое орудие пытки.

– Нет, ты посмотри хорошенько! Посмотри на зрачки – она нормальная!

– Лейла! Ты что – отпусти ее! – Балжан и Бота еле оттащили Лейлу от Алтынай. Балжан отобрала окровавленную иглу, а Лейла, не в силах успокоиться, зло бросалась словами, прожигая глазами плачущую девушку.

– Что – больно? А нам какво? Таких, как ты, нужно сажать на кол!

И добавила, обращаясь к Балжан, словно оправдываясь:

– Смотри, какая упертая! Плачет, а не сознается. Нужно мучить ее до тех пор, пока не бежит.

– Ладно, оставь ее в покое, – успокаивала ее Балжан, – Пошли пить чай.

– Слишком ты добрая, Балжан, – сказала Лейла, – Если бы она вздумала со мной такое проделать, то не знаю, что бы я с ней сделала. Я бы истыкала ее всю иглой, сожгла бы ее смазливую мордочку утюгом.

Не успели женщины перейти на кухню, как пришел Заманжол. Балжан побледнела, и Заманжол пристально взглянул на нее, прислушиваясь к всхлипываниям, доносившимся из детской.

Тут заговорила Лейла. Она смотрела на Заманжолу с вызовом.

– А твой муж умный, Балжан. Изобретательный. Другие, дураки, таскаются по гостиницам, по съемным квартирам со своими шлюхами, не зная, что придумать, чтобы обмануть своих жен. А твой... поселил у себя, дома, – удобно, всегда под рукой, всегда в постели, раздета, готова. Нужно же было додуматься до такого!

Заманжол одарил Лейлу свирепым взглядом, но она была из тех, кого такими взглядами не проймешь. Он перевел глаза на Боту, но та стояла, напялив на лицо маску равнодушия. Балжан справилась с растерянностью и теперь смело взглянула в его глаза.

– Что так смотришь? Не нравится правда, да?

Заманжол пропустил эти слова мимо ушей.

– Балжан, что они здесь делают? – он еле сдерживался.

– Мы ее подруги, – встряла Лейла, но Заманжол проигнорировал ее. Он повторил свой вопрос, сверля жену глазами.

– Они – мои подруги, – сказала Балжан, оглянувшись на Лейлу.

– Ты что, как попугай, повторяешь чужие слова? Своих нет?

– Да, – все же Балжан чувствовала себя неуверенно и говорила невпопад, – Это и мой дом, к твоему сведению!

Но потом она справилась с собой и заговорила уверенней:

– Ты лучше скажи, кто придумал эту аферу – ты или она? Можешь не строить непонимающие глаза, мы все выяснили. Она прокололась! Вы, конечно, великие артисты, но даже Камо не мог справиться с рефлексам. Так что забирай свою актрису, и уматывай отсюда!

– О чем ты? Какой Камо, какие рефлексы?

– Какие надо! Я тебе говорю: уматывайте!

– Так, Лейла, Бота, оставьте нас. Нам с Балжан нужно поговорить. И не приходите больше – я вас терпеть не могу!

Бота двинулась к выходу, но дорогу ей заступила Балжан.

– Они – мои подруги, – повторила она, – И они будут здесь столько, сколько нужно. И они свидетели. Твоя Алтынай не идиотка. Это я идиотка, что три месяца позволяла себя дурачить. Спасибо Лейле, ее опыт вывел вас на чистую воду.

– Что за ерунду ты городишь! Что еще за опыт, о чем ты?

– Мы поставили опыт и установили, что она нормальная. Она симулирует. У ненормальных зрачки не сужаются от боли, а у нее сузились, понятно тебе?!

Заманжол вспомнил о тихих всхлипах, доносившихся из детской.

– Алтынай? – воскликнул он, – Что вы с ней сделали?

И он бросился к ней.

– Алтынай, что с тобой?

Он начал ощупывать ее, а она, вцепившись в него, залопотала, указывая рукой за спину. Она несколько раз повторила слово «мама», и Заманжол понял, что Алтынай жалуется на Балжан.

– Успокойся, милая, не плачь, – успокаивал он ее, – Никто тебя не тронет больше.

Услышав это, Лейла скривилась.

– Ну, знаешь! – бросила она Балжан, – Если тебе приятно слушать такое, то это твое дело. А я бы и дня не жила с ним после такого.

И направилась к двери. Бота последовала за ней, говоря:

– Лейла права. Я на твоём месте подала бы на развод.

Подруги ушли, а Балжан направилась в детскую. Когда она вошла, Заманжол рассматривал шишечку с красной точкой на спине Алтынай.

Он решил, что ей поставлен укол. Страшное предположение пронзило его мозг: «Неужели отравили!»

– У нас были врачи? – спросил он, – Ей сделали укол?

– Нет... никаких врачей не было.

– Что это за шишка тогда?

Балжан молчала.

– Что это за точка, если не укол?

– Э-это... это... – Балжан начала запинаться – она боялась мужа, когда он по-настоящему свирепел; тогда его голос снижался до холодного шепота.

– Это не укол. Это не такой укол... не такой, какой ты думаешь...

– Какой – такой – не такой?!

– Ну... я хотела сказать... хотела сказать – никто не ставил ей укола.

– Тогда что это?!

Заманжол не отрывал от жены своих беспощадных глаз, и ей не оставалось ничего другого, как рассказать ему обо всем. Когда он узнал, что Алтынай пытали иглой, он рассвирепел окончательно. Он схватил ее за горло, и начал кричать, дергая взад-вперед:

– Еще раз увижу тебя возле Алтынай – убью! Исколю той иглой, исколю насмерть! И пусть эти твои подружки не попадают мне на глаза – я за себя не ручаюсь! Пусть меня хоть расстреляют потом! Ты поняла меня? Поняла?!

Балжан в жизни не видела Заманжолу таким. Она прохрипела, задыхаясь:

– Отпусти... отпусти... я все поняла...

До Заманжолу дошло, что он может задушить жену. И он оттолкнул ее от себя, да так, что она не смогла удержаться на ногах. Балжан отлетела к двери и больно стукнулась затылком о притолоку.

Заманжол не стал поднимать ее.

– Да пропадите вы оба пропадом! – Балжан заревела в голос.

Она с трудом поднялась и ушла в спальню. И еще долго доносился оттуда ее плач.

7

Назавтра Владимир и Юлия поехали осматривать остров. Вообще-то Кантемир Шейхов собирался ввести наследника в курс дел, но тут вклинилась Надежда Романовна. Она сказала:

– Кузен, давайте я покажу вам наш остров. И нашу столицу. А делами займетесь потом – еще успеется. Заодно осмотрите свои владения – дворец деда и папину виллу. Кстати, вы можете поселиться, где захотите.

Шейхов смотрел на Владимира выжидающе. Он думал: «Вот как раз удобный момент выяснить твои деловые качества. Если ты – человек дела, то поедешь со мной, а если тебя интересуют только дворцы и виллы, то нам очень не повезло».

Владимир предложил компромисс. Он сказал:

– Надежда Романовна, с вами осматривать наши владения поедет моя супруга. И пусть Юлия Петровна сама решит, где нам поселиться. А я все же займусь делами. Ведь я приехал сюда не баклуши бить.

Надежда Романовна зло блеснула глазами. Ей пришлось согласиться, а ведь этим самым она дает Шейхову завладеть вниманием теперешнего владельца компании. «А этот кузен хам, – думала она, уезжая с Юлией осматривать остров и владения, – Он сразу дал мне понять, что я – баба, и что мое место – возле этой его жены с глазами шлюхи».

Юлия тоже была недовольна, тем, что Владимир оставил ее в обществе своей кузины. И ей не понравились ее глаза. «Слишком они непонятные, – решила она, – Она расчетлива и хитра. Да, да – она хитра. Нужно предупредить Владимира – пусть не очень доверяется ей». Но Юлия не посмела возражать своему новому мужу. Она решила про себя, что будет во всем следовать его воле, а если в чем-то будет не согласна с ним, то будет действовать только советами. А в том, что он нуждается в ее советах, она не сомневалась.

Да так оно и было! Она уже поняла, как он доверчив. «Как ребенок!» – считала она. А тут, на этом острове, их ждут серьезные испытания. Да, миллионное наследство – это подарок судьбы, но наверняка найдутся люди, готовые отобрать этот подарок. Вот эта кузина – ведь отец оставил ее без наследства. И что – она довольна? Как бы не так! Но она не подает виду, играет роль добродушной родственницы, и ей удалось обмануть Владимира. Но Юлию не проведешь! Она знает все эти женские штучки. Она сама кого хочешь обманет. Но пусть эта Надежда Романовна думает, что напала на дурочку. Пусть. Нужно ей подыграть. А самой быть настороже. И она будет вести наблюдение, будет разведчицей в тылу врага, будет следить за каждым шагом этой непростой женщины. А для этого нужно убедить ее в том, что жена кузена – глупая женщина, что она простушка.

Дворец деда предстал перед ними во всем великолепии. Юлия не могла поверить, что все это принадлежит ей. Ей и Владимиру. Она искренне восхищалась бесчисленными залами и анфиладами, будуарами и гостиными, их отделкой и обстановкой, все безумно красиво и все безумно дорого. Собрание антиквариата. Картины, портреты и пейзажи, натюрморты и миниатюры – глаза разбегаются. Юлия не очень разбирается в живописи, но она поняла – это не репродукции, это – коллекции оригиналов. Везде бюсты, а то и скульптуры в рост человека, обнаженные боги и богини, мифологические герои, изделия из хрустала, фарфора и фаянса, и такое обилие посуды – и какой посуды! И везде – ковры и гобелены, изделия искусных ткачей и ковровых дел мастеров.

На беглый осмотр дворца первого Павловского ушло почти полдня. Когда Надежда Романовна и Юлия Петровна спустились в просторную столовую, их усадили за стол, рассчитанный на двадцать персон, и им подали обед. Это был – всем обедам обед! Молчаливые слуги вносили все новые блюда, и вот что удивительно – Юлия ела все подряд, нахваливая без стеснения (это отвечало ее новой роли при кузине Владимира), и все не могла насытиться. Надежда же

Романовна ела совсем немного, некоторые блюда она возвращала, только отведав, и она бросала незаметные взгляды на эту простушку – жену кузена.

После обеда они отдыхали на открытой террасе и им принесли прохладительные напитки. Вот это напитки! Только теперь Юлия поняла, что то, чем она питалась до сих пор – все это было суррогатом! Только здесь, на этом острове Надежды она приобщилась к тому, что превращает простого обжору в гурмана.

После отдыха Надежда Романовна повезла Юлию Петровну к вилле Романа Владимировича на побережье. Шоссе шло вдоль побережья, повторяя все изгибы берега, то взлетая на карнизы прибрежных скал, то спускаясь к самой воде, и Юлия имела время насладиться морским пейзажем. А вот вилла ей не понравилась. Видимо, покойный дядя не обладал утонченным вкусом, таким, как у своего отца, деда Владимира. Помещения и залы здесь навевали тоску, узкие окна, обращенные к теневой стороне, не могли в достаточной степени осветить помещения и в них царил полумрак. Когда они покинули здание, то Юлия обратила внимание на то, что на солнечной стороне почти нет окон. Глухая стена!

Нет, она уже решила про себя – они поселятся во дворце деда, а сюда можно будет навещать тогда, когда настанет потребность уединиться, обособиться, укрыться от палящего солнца и посторонних глаз.

А Владимир тем временем посетил самое крупное предприятие столицы – международный морской порт. Масштабы порта поразили Владимира. Шедший рядом Кантемир Шейхов сыпал цифрами – сколько кораблей, какого водоизмещения может одновременно обрабатывать порт, сколько тонн груза могут вмещать склады, каково количество портовых кранов, сколько здесь контейнеровозов и каров разной грузоподъемности. Он показал причал для морских паромов, курсирующих между островами архипелага, в том числе и таких, которые могли брать на борт целые железнодорожные составы. Шейхов повел нового хозяина всего этого богатства к докам, и Владимир имел возможность поразиться их размерам, ведь доки могли вместить в себя океанские сухогрузы и танкеры.

– Мы можем принимать здесь и военные суда. Сторожевики и, даже эсминцы, – похвалился Шейхов. Владимир все время молчал; он понимал, что то предприятие, которое он когда-то гордо называл заводом, и где он дослужился до должности главного инженера цеха, на самом деле было только заводиком. Вот где масштабы! Вот где размах!

Тем временем Кантемир Всеволодович заговорил о запланированной им модернизации всех подразделений компании. Он обратил внимание Владимира на устаревшее оборудование, на подъездные пути, на всю инфраструктуру порта, которые при первом впечатлении показались образцом современной техники, но при более пристальном взгляде стало понятно, что Шейхов прав.

Владимир начал понимать, чего от него хочет этот энергичный и деловой человек. Он, по-видимому, озабочен лишь одним – модернизацией. Всего и вся! Шейхов говорил о том, что никак нельзя отстать от требований современного научно-технического прогресса, что весь цивилизованный мир модернизируется, и этот процесс идет каждый день, и тот, кто не успеет за ним, непременно окажется на обочине.

– Если совет акционеров даст добро и подпишет смету, то полную модернизацию порта можно осуществить за три года, – заявил он.

– Я готов поддержать вашу программу модернизации, Кантемир Всеволодович, – сказал Владимир, – Вы можете положиться на меня в этом вопросе. Об инвестициях поговорим после, как только я ознакомлюсь с финансами.

Шейхов согласно кивнул. Владимир продолжал:

– Кантемир Всеволодович, я выслушал вас. А теперь вы выслушайте меня. Я прибыл на этот остров с одной целью – провести социальные преобразования. Дело в том, что меня на родине прозвали социалистом-утопистом. Но я не утопист. И не коммунист. Хоть и состоял

когда-то в рядах коммунистической партии. Но с тех пор мои взгляды претерпели существенные изменения, и теперь я мыслю совершенно по-другому. То, что я предлагаю – было осуществлено во многих развитых странах, в частности в странах Европы. Кстати, как здесь обстоит дело с профсоюзами? Они... есть?

Лицо Шейхова помрачнело. Поворот разговора, так хорошо складывавшийся с самого начала, был неожиданным. Профсоюзы здесь есть. Даже слишком их много. Но никто в них не озабочен серьезно положением рабочих. Они все превратились в паразитирующую прослойку между рабочими и владельцами компаний. И именно сейчас, когда он нацелился на коренную модернизацию, когда новый владелец контрольного пакета поддержал его, Шейхова, планы, но еще нужно уломать остальных акционеров, а их доля акций в компании тоже довольно велика, и вот в такой момент этот самый владелец намеревается провести социальные преобразования и собирается оживить деятельность профсоюзов. Нет, нужно отговорить его от совершения роковых шагов, которые способны погубить все начинания председателя совета директоров.

– Владимир Михайлович, – начал осторожно Шейхов, – Наше островное государство – демократическое государство. Поэтому, естественно, у нас имеются профсоюзы. Но...

В этом месте глаза собеседников встретились, и Шейхов осекся. По всему, этот Павлов – Павловский все понял. Эта поразительная пронизательность их породы всегда удивляла его прежде, в общении с Романом Владимировичем.

– Что ж вы замолчали, Кантемир Всеволодович?

– Профсоюзы есть, они существуют. Только вряд ли их деятельность удовлетворит вас. Вы правы – положение рабочих и служащих компании нельзя назвать таким уж благополучным. Об этом свидетельствует большая текучка в кадрах, и тот факт, что за последние два года рабочими были организованы несколько стихийных акций протеста. В прошлом году наш порт простоял из-за стачек целую неделю. Неделю, – представляете! Когда даже задержка на час при погрузке-разгрузке приводит к огромным убыткам. Компания выплатила миллионные неустойки. А все потому, что совет акционеров уперся и отказал в удовлетворении требований рабочих. Кончилось дело тем, что пришлось прибегнуть к помощи гастарбайтеров из других островов архипелага. В результате – пострадал опять-таки порт, ведь мы потеряли такие ценные кадры. Гастарбайтеры что – это же просто люмпены! Они отработали сезон, получили свое и отбыли домой. А нам потом пришлось искать рабочих.

Шейхов заметил, как загорелись глаза у Павлова.

– Вот-вот! – воскликнул тот, – Я так и думал. Видите ли, Кантемир Всеволодович, такое положение будет сохраняться, пока рабочие будут выступать в роли эксплуатируемых. Нужно в корне изменить положение вещей. Я считаю, что рабочие сами должны стать хозяевами предприятий, в которых они работают. Не смотрите на меня так – я уже говорил, что не являюсь коммунистом. В мире уже накоплен достаточный опыт в подобных делах. Мне нет надобности ходить вокруг да около, вам я скажу без обиняков – я, владелец контрольного пакета акций компании, Владимир Михайлович Павлов, находясь в здравом уме, собираюсь распределить этот пакет между всеми рабочими и служащими компании поровну. И создать орган, который будет выражать общую волю в совете акционеров, и определять общую политику во всем: в модернизации и внедрении новых технологий, в улучшении условий труда рабочих и служащих, в справедливом начислении дивидендов.

Шейхов закачал головой. Что он несет, этот Павлов! Да, правы те его соотечественники, прозвавшие его утопистом. А ведь вначале он показался здравомыслящим человеком, сходу понял насущную необходимость модернизации, в отличие от тех болванов, сидящих в совете акционеров и озабоченных лишь одним – как бы полнее набить карманы. Но что же делать с этой его бредовой идеей? По тому, как он набылчился, ожидая возможных возражений от оппонента, можно полагать, что и этот новый Павловский упрям и своенравен. Да, все они

таковы! Поэтому нельзя отвести эту его идею с порога. Нужно для виду согласиться и выговорить хоть какой-нибудь срок, чтобы вначале провести модернизацию, а уж потом приниматься за социальные преобразования.

– Владимир Михайлович, – сказал Шейхов, понизив голос, – можете считать, что в моем лице вы нашли единомышленника. То, что вы предлагаете, вполне осуществимо. Правда, нужно создать действенные механизмы контроля за деятельностью этого органа, призванного выражать общие интересы рабочих и служащих. Ведь, распределив принадлежащие вам акции между ними, вы уже потеряете право решающего голоса в совете акционеров. Поэтому, я бы посоветовал вам не спешить с этим вопросом. Давайте сначала сосредоточим наши усилия на проведении модернизации. Вы должны знать, что нам с вами еще предстоит серьезный разговор, и в совете акционеров, и в совете директоров. Сразу скажу – там найдутся противники, и влиятельные противники модернизации, консервативно настроенные акционеры и директора, которые не способны взглянуть дальше своего носа, не желающие расстаться с лишним долларом из своих дивидендов. И если мы заговорим сейчас еще о социальных преобразованиях, то погубим все дело.

Шейхов замолчал и взглянул на Павлова. Тот раздумывал над услышанным. Что он теперь скажет? Судя по всему, собирается возразить. И, не дожидаясь его возражений, Шейхов добавил ко всему сказанному им:

– А пока вы можете изучить положение рабочих, встретиться с деятелями профсоюзов и направить их работу в новое русло, чтобы они превратились в истинных выражателей интересов рабочих, а не интересов узкого круга лиц. Поле для вашей деятельности в этом направлении очень велико, вы, с вашими капиталами и влиянием способны много сделать для улучшения положения рабочих.

Владимир понял Шейхова. Он просит одного – не мешать ему. Наверное, он прав. Нужно дать ему провести модернизацию, сосредоточить усилия на реализации его планов, чтобы в его лице обрести соратника, готового впрячься в одну упряжку с ним самим и провести те преобразования, которые он мечтал осуществить столько лет, и ради которых он покинул Родину и оказался на этом крохотном участке суши, затерянном в безбрежном океане.

8

Виолетта всегда думала о жене Бекхана, и немного ревновала. Майра представляла перед ее мысленным взором созданием высшей степени женственности, интеллигентной, красивой, короче, олицетворением Настоящей Женщины. Виолетта думала о ней, как о какой-то прекрасной фее, идеале, достойном такого человека, как Бекхан. Он никогда не рассказывал о своей жене, а она не считала приличным расспрашивать его о ней, и оба, по молчаливому уговору, обходили эту тему.

Виолетта представляла Майру совершенной женщиной; она не допускала и мысли, что такой человек, как Бекхан, может жить с обычной бабой, с посредственностью. Каково же было ее удивление, когда Бекхан представил ей тучную, невзрачную женщину с обрюзгшим лицом, которая при виде гостя сразу вся скукожилась и еле пошевелила губами в ответ на приветствие.

И, что еще больше поразило Виолетту, Бекхан как-то неуверенно повел себя с женой; тон его стал чуть ли не извиняющимся, он словно чувствовал перед ней какую-то вину, словно он был в какой-то зависимости. Виолетте показалось, что человек, совершенный во всех отношениях, герой, избавивший фирму от такого монстра, как Рахат Аскеров, посмеявшийся поднять руку на представителя городской группировки, заискивает перед этой ничем не примечательной женщиной.

– Майра, познакомься – это Виолетта Владимировна, дочь нашего президента, – неуверенно начал он, – Я рассказывал тебе о ней, она у нас архитектор.

Майра еще раз бегло окинула девушку взглядом, не сумев скрыть при этом своего неудовольствия.

– А это Майра – моя супру... – но тут она грубо оборвала его.

– Чего ты так церемонно! И так понятно, кто я!

Потом, сверля его глазами, стала выговаривать, как деспотичная начальница нелюбимого подчиненного:

– Почему не оплатил за свет? Приходили электрики, грозились отрезать провод. Я думаю, что оплачено, ругаюсь с ними...

– Да-да, – оправдывался Бекхан; Виолетта видела, как ему неудобно, что жена затеяла при такой гостье такой разговор, – Я забыл. Сегодня же оплачу.

Он хотел перевести разговор к тому, за чем они приехали, но Майра не позволила ему это сделать.

– Нет, это безответственность! – перебила она его, – Как можно было забыть такое? Когда я тебе все уши прожужжала – заплати за свет, заплати за свет! И какой душой ты меня выставил? Я-то думаю, что оплачено, спорю с ними, ругаюсь. А им-то что – электрикам? Возьмут и отрежут! Что ты им сделаешь?

Майра не на шутку завелась; Бекхан знал по опыту, что в таком состоянии у нее откажут тормоза и теперь придется подождать, пока выйдет весь пар. При других обстоятельствах он бы просто терпеливо выждал, но при Виолетте ему было неудобно, он думал, что присутствие дочери президента фирмы как-то повлияет на поведение жены, но дело было в том, что Майра завелась именно оттого, что Виолетта Ким, о которой Бекхан часто упоминал, рассказывая о своей работе, оказалась такой юной, такой очаровательной. Ей не понравилось, что они приехали вместе, не понравилось, как они смотрели друг на друга, как эта красавица улыбнулась ему, и как у него при этом блеснули глаза, блеснули совсем чуточку, еле заметно, но за многие годы совместной жизни Майра научилась замечать и не такое.

Бекхан совершил ошибку, попытавшись остановить жену; лучше было бы подождать выхода всего остатка пара, ведь он знал по опыту, как взрывоопасен этот остаток.

– Майра, давай поговорим о свете и электриках позже. Мы с Виолеттой Владимировной приехали, чтобы... – он говорил, выразительно глядя в ее глаза, с просьбой успокоиться, но лучше бы он не делал этого...

– Чего ты так на меня пялишься! Что – тебе неудобно? Да? Хочешь при посторонних казаться таким хорошеньким? Да? Не выйдет!

– Майра! – громче обычного произнес Бекхан, но только подлил масла в огонь.

– Чего – Майра! Чего – Майра! Я сорок лет Майра! Ты забыл! Ты думаешь о постороннем, а я, как дура, ругаюсь с ними. Ты подумал о том, в какое положение поставил меня? Подумал?! Не подумал! Иначе бы не забывал...

Бекхан уже понял, что промолчи он вовремя, возможно Майра уже успокоилась бы или вовсе не заводилась. Он стоял понуро посреди кухни, переступая с ноги на ногу. Виолетта находилась в соседней комнате, все видела и все слышала. Она была возмущена до глубины души.

«Кто она такая! – возмущалась она про себя, – Посредственность! Ничтожество! Как она смеет так разговаривать с ним? И почему ничтожества имеют власть над личностями?»

Ей было невыносимо слушать противный голос Майры; ей хотелось, чтобы Бекхан оборвал жену, поставил ее на место. Виолетта еле сдерживалась; ее так и подмывало сказать хозяйке дома какую-нибудь резкость, осадить разошедшуюся женщину. И пока Майра не закончила свою истерику, пока не выплеснула все свое раздражение, она сидела, как на иголках, бессильно сжимая кулачки. Видела бы она свое лицо!

Наконец, Майра замолчала и установилась могильная тишина. Бекхан угрюмо молчал. Он понял, что сегодняшняя истерика жены специально инсценирована к появлению Виолетты, что это своеобразный акт ревности. Молчание затягивалось. Майра сочла, что этой смазливой девчонке на первый раз достаточно, и она стояла, уставившись на Бекхана. А он глядел на плакат с изображением расшалившихся парней и девушек, висевший на стене. Всегда, в моменты, подобные пережитому, он отвлекался, представляя себя молодым, беззаботно веселившимся среди этих молодых людей – так было легче переносить ужасные сцены, закатываемые Майрой.

– Что ты стоишь, как истукан?

Майра заговорила более спокойно, и Бекхан понял, что буря прошла.

– Сбегай в ларек, купи чего-нибудь к чаю. Уж при постороннем человеке можно было не устраивать скандала.

Виолетта не верила своим ушам. Она была поражена наглостью Майры, свалившей вину за свою выходку на мужа. И, что было совсем непонятно неискушенной в супружеской жизни девушке, так это то, что Бекхан не только не возмутился, но как бы согласился с женой, извиняясь:

– Прости, вчера был такой день, закрутился...

Немного помолчав, заговорил о том, для чего он собственно приехал.

– Майра, – он с трудом поднимал растоптанное настроение, – Виолетта Владимировна хочет сообщить тебе что-то важное. Она принесла радостную весть, готовь суюнши. (по казахским обычаям дается что-то вроде выкупа принесшему добрую весть, обычно деньгами)

– Да?! – Майра изобразила на лице подобие радушия, проходя в комнату к Виолетте, – Что это за весть, Виолетта Владимировна?

И, как пайнык, присела на краешек дивана, на котором, на другом его конце, сидела Виолетта. Девушка взяла себя в руки и заставила себя улыбнуться, а ведь как хотелось запустить в это оплывшее жирком лицо, в это воплощение лицемерия связкой ключей и высказать этой мегере все, что она о ней думает.

Как часто прямолинейным, открытым людям приходится кривить душой, говорить не то, что думают, изображать не то, что чувствуют, ради тех, кого они любят, ради тех, кого они щадят и не могут огорчить. И Виолетта изобразила улыбку и заговорила приветливо. Она

не могла просто отдать ключи Майре, она должна была открыть глаза этой неблагодарной женщины на то, каким сокровищем та обладает, дать ей понять, как несправедлива она к мужу, рассказать, какой Бекхан человек, какой редкий специалист, и как его ценят на новом месте. Виолетте многое хотелось сказать этой женщине, не подозревающей о счастье быть женой такого человека, но она сдержанно поведала о том, что руководство фирмы, ее президент оценили по достоинству труд нового начальника охраны и решили премировать его новой четырехкомнатной квартирой.

И она, достав из сумочки ключи, передала их Майре. Та не вникла в то, что услышала и, повернувшись к Бекхану, спросила:

– Что – нам дают квартиру?

«Не вам, не тебе, а твоему мужу!» – как хотелось Виолетте выкрикнуть это.

– Да, Владимир Иванович подарил, – подтвердил Бекхан.

– Не подарил, а премировал, – возразила Виолетта, – Это не подарок, а премия. Бекхан Кенжеевич заработал эту премию, именно заработал!

– И?.. – Майра все еще не понимала, до нее не дошло, что у них теперь новая квартира.

– И я приехала, чтобы отвезти вас туда; Бекхан Кенжеевич не знает, где это здание. Мы недавно его сдали.

– А где это?

– В центре, по улице Ауэзова, – объясняла Виолетта, – Возле ЦУМ – а. С другой стороны площадь и акимат.

И добавила, с удовольствием отметив, как изменилось лицо Майры:

– Давайте съездим туда, сами посмотрите.

– Когда?

– Да прямо сейчас!

Майра бросила быстрый взгляд на Бекхана, и отправилась переодеваться. Виолетта и Бекхан переглянулись.

«Что же вы так пасуете перед ней? – спросили ее глаза, – Ведь она не стоит и мизинца вашего!»

Бекхан ответил печальной улыбкой, говорившей о том, что уж так сложилось у них с самого начала.

Квартира была шикарной. Планировка, отделка, санузел – все было высшего, европейского класса. Окна выходили на солнечную сторону, из них открывался великолепный вид на город и реку. И площадка перед дверью была просторной.

Майра не могла скрыть своего восторга. Она не могла поверить, что все это великолепие принадлежит ей. Переходя из комнаты в комнату, из кухни в просторную и светлую залу, оттуда в спальню, посещая туалет и ванную, Майра прикасалась к стенам, словно опасалась, что они нереальны, что все это великолепие – лишь мираж и вот-вот исчезнет, растворится в воздухе.

Она, наконец, почувствовала себя счастливой. Квартира, благоустроенная! Новая! Четырехкомнатная! В центре! Это было пределом ее мечтаний. Даже в самых смелых своих мечтах не могла она представить, что сможет когда-нибудь обладать таким богатством.

Конечно, пройдет совсем немного времени, пройдет эйфория, и лицо ее вновь обрюзнет, теперь от груза новых забот; перед ней станет архиважный вопрос – обстановка. Мебель, посуда, бытовая техника, вещи, достойные такой квартиры, потом потянутся заботы о содержании такой огромной жилплощади, наступят будни уборки, чистки, и прочих неприятных вещей. Нужно будет оплачивать свет, газ, воду и отопление. Но это будет потом, о таких «мелочах» она еще не думала. Сейчас Майра взошла на пик счастья.

Как мало нужно женщине для счастья! Дай ей сносное жилье, обстановку, обеспечь одеждой и продовольствием – и все. Она счастлива и удовлетворена жизнью вполне. Правда, муж-

чине тоже необходимы перечисленные блага. Но ему их мало для настоящего счастья! Ему нужна еще любимая работа, ему необходим успех в своем деле, нелишне для него признание хотя бы окружающих его людей. А главное – признание женщины. И ее любовь. Любовь женщины, и, подчас, не одной.

Без нее, без любви, ему никак нельзя! Все, включая любимую работу, дело всей своей жизни, успех, деньги – со всем он готов расстаться ради этой любви. Любовь женщины – вот единственный, великий стимул, заставляющий мужчину лезть из кожи вон, чтобы заработать кучу денег, добиться успеха и широкого признания или хотя бы узкого круга людей. И ради этой любви он готов на все – на любое страшное преступление, на любой смертный грех, готов загубить свою бессмертную душу. Все мы возмущались, читая о предательстве Андрия из «Тараса Бульбы», но он лишь наглядная иллюстрация. Гоголь, конечно же, был великим знатоком душ человеческих, и он точно подметил сущность мужчины. И, конечно, олицетворением настоящего мужчины был именно Андрий, а не Остап, и даже не Тарас. Только настоящий мужчина готов бросить к ногам любимой женщины, прекрасной женщины все, включая и свою честь.

Итак, Майра почувствовала себя счастливой, и взгляды ее, обращенные к Бекхану, довольно потеплели. Виолетта, незаметно наблюдавшая за ней, за ее реакцией, заметила, как Майра, может быть сама того не замечая, стала улыбаться, стала невзначай прикасаться к мужу, восхищаясь той или другой деталью, вызывая при этом отчетливое чувство ревности у нее самой.

Виолетта ходила за супругами, давала разъяснения насчет отдельных материалов, импортной сантехники и прочего, и радовалась вместе с ними. И при этом мысленно ставила себя на место Майры. Как всякая женщина, и она мечтала, может быть бессознательно, о своем уютном супружеском гнезде. И теперь перед ней возникали воображенные картины, в которых уже она, осматривая свою квартиру, прижималась признательно к мужчине, мужу, которым в тех видениях выступал Бекхан.

Когда они возвращались в офис, она деликатно заметила:

– А у вас строгая жена.

На что Бекхан ответил грустно:

– Да, уж.

– Вы, наверное, очень ее любите, – предположила Виолетта, дополнив про себя: «раз позволяете так с собой обращаться».

– Да... – Бекхан так произнес это короткое слово, словно хотел сказать: «Нет, скорее нет». «Вряд ли, – сомневалась Виолетта мысленно, – можно любить такую мымру».

А вслух сказала:

– А она вас?

Бекхан улыбнулся.

– Как тебе сказать? – он на миг взглянул на спутницу и тут же перевел глаза на дорогу – они ехали в плотном потоке машин, не позволявшем отвлекаться, – Ты, вероятно, поняла, что у нас с ней непростые отношения. Когда-то все было совсем не так, и Майра была совсем не такой. Долго пересказывать нашу с ней историю, да тебе и неинтересно будет. В чем-то есть и ее вина, но в главном все же считаю виновным себя. Ты, должно быть, думаешь, почему я позволяю так с собой обращаться?

Взгляды их встретились, и девушка смутилась.

– Это трудно объяснить. Просто я приучил себя не перечить Майре, так лучше. И для меня, а главное, для нее. Она очень нервная, и, если ее не щадить, с ней может случиться срыв, удар...

Бекхан замолчал. Виолетта, не то спросила, не то предположила:

– Вы ее жалеете...

– Да, – подтвердил Бекхан, – Ей сейчас нелегко. Она обо всем думает, переживает. Детям нужно учиться, они хотят хорошо одеваться, всего не хватает, и все эти неурядицы бьют в первую очередь по ней.

Виолетта задумалась. «Как он великодушен! Как снисходителен к жене и как требователен к себе. Да, таким и должен быть настоящий мужчина. Сильный мужчина. Эта Майра... она думает, что унизила его в моих глазах. Как она глупа! Такого человека нельзя унижить.»

Тормоза резко взвизгнули – Бекхан увернулся от подрезавшей его машины, и Виолетта очнулась от своих дум.

– Как вам квартира? – сказала она, посчитав, что молчание становится неприличным, – Понравилась?

– Еще бы! Дворец, а не квартира! До сих пор не могу поверить. Майра довольна. А как обрадуются дети! Представляю их ликование.

Он притормозил у светофора, но тот поменялся на зеленый, и не успевший остановиться автомобиль, проскочив перекресток, устремился вперед, затем перестроился и свернул в переулок, где припарковался на стоянке перед офисом «Мотивации».

День рождения дочери Аликеев превратил во вселенский пир. В огромном зале его загородного особняка гости походили на обитателей муравейника. Мощный гул от десятков голосов заглушал рулады небольшого оркестра. Прибывшие на праздник Бекхан и Майра казались серыми воробьями среди пестрых попугаев. Глаза рябило от множества разнообразных нарядов расфуфыренных женщин, постаравшихся перещеголять друг дружку. И сколько амбиций на лицах современных матрон!

«Можно понять стремление молодых женщин и девушек одеться позаметнее, помоднее, – думал Бекхан, поминутно раскланиваясь со знакомыми и незнакомыми парами, – Но какого черта разрядились эти бабы и старухи? Чего они добиваются? Красоты им эти наряды не прибавят, и молодость, как ни ухищрайся, не вернуть».

Майра в своем скромном костюме чувствовала себя неуверенно, скованно, но Бекхан, сравнивая ее с женщинами в кричащих о последней моде платьях и дорогих, не всегда по вкусу подобранных драгоценностях, отметил с удовлетворением, что она намного предпочтительнее и естественнее их всех.

Аликеев встретил их с царственным радушием. Познакомился с Майрой и представил Кадиевых остальным гостям, потребовав тишины. Во взглядах многих присутствующих Бекхан прочел удивление, они словно говорили: «Что может быть общего между этими нищими и всемогущим Аликеевым?» Рядом с боссом городской группировки стояла симпатичная девушка, почти еще девочка, и, догадавшись, что она и есть виновница торжества, Бекхан поздравил ее с днем рождения, а Майра преподнесла подарок – косметический набор. Окружающие женщины усмехнулись с пренебрежением, «вот, мол, темнота!» Майра не знала, что подарки здесь принято передавать прислуге. Но имениннице презент понравился, понравилось ей и это невольное нарушение этикета, и непосредственность и естественность этого мужчины, и его открытый взгляд.

Тут к ним подошла женщина, былая красота которой не совсем еще поблекла. Аликеев представил ее Бекхану и Майре.

– Это моя супруга, Жакен, – произнес он с некоторым пренебрежением в голосе. Затем представил ей гостей.

– А это мой новый знакомый, – при этих словах он оглядел ближайших окружающих, – Бекхан, и его супруга Майра.

И выразительно взглянул на жену. Та поняла его, и, хотя не испытывала ни малейшего желания общаться с этой невзрачной и плохо одетой женщиной, улыбнулась Майре, и, взяв ее

под руку, повела по зале, ведя положенную в таких случаях беседу и представляя ее другим женщинам, а тех ей.

Среди гостей был и Владимир Иванович, и Виолетта, и Лариса Васильевна. Виолетта, увидев, что Бекхан пришел с женой, не сочла возможным подойти к нему. Лариса Васильевна двинулась было навстречу, чтобы взять его в оборот, но, заметив предостерегающий взгляд Аликоева, прошла мимо, лишь кивнув мужчинам. Владимир Иванович поздоровался с Бекханом за руку, но не стал присоединяться к хозяину и его гостю, а остался в обществе своих коллег – директоров и управляющих фирмами и компаниями.

Аликоев отвел Бекхана к группе солидных мужчин, среди которых были аким области и мэр города. Важные люди жали руку Бекхана на всякий случай почтительно, зная, что такой человек, как Аликоев, не станет водить знакомство с кем попало. Но они, тем не менее, не смогли скрыть своего удивления, узнав, что Бекхан всего лишь начальник охраны строительной фирмы.

К ним подошел человек с выпивкой на подносе, и Бекхан взял фужер с каким-то сухим вином. Ему не хотелось пить, но он, как и все, пригубил и похвалил напиток, хотя про себя отметил: «Кислятина!» Люди часто становятся рабами других людей, но все, и рабы, и господа – рабы условностей, приличий, правил и установлений. Они вынуждены придерживаться их, не понимая, для чего они придуманы и кому они нужны. Мужчины, среди которых были мужи, облеченные властью, вели бессодержательный разговор, пили напитки, которые им не нравились, усердно нахваливая, угощались фруктами, хотя предпочли бы сейчас вонзить зубы в увесистый и жирный кусок мяса, закусив им порцию хорошей водки; принужденно улыбались, церемонно раскланивались, выражали неискреннюю радость при встрече со значительными и нужными людьми и их женами – набитыми дурами, расфуфыренными гусынями, которых за глаза обзывали обидными и оскорбительными прозвищами.

После королевского застолья все в том же западном стиле, во время которого Бекхан непринужденно и весело перекидывался репликами с Аликоевым, его женой и дочерью, свободно и безошибочно пользуясь множеством самых разнообразных приборов, в то время как сидящая рядом Майра выказывала полное незнание правил столового этикета, Аликоев повел Бекхана на верхний этаж, и ввел в небольшую, уютно обставленную комнату, где их встретили две очаровательные девушки.

Бекхан принял их за других дочерей Аликоева, но понял свою ошибку, как только одна из них повисла на плече хозяина особняка, а тот поцеловал ее и похлопал по попе.

– Знакомьтесь, девочки – это Бекхан, – произнес он совершенно другим голосом, нежели накануне, и озорно подмигнул, – А это – Марина и Карина.

9

Алена впервые оказалась в столице. Но город ей не понравился с первого взгляда. Он был каким-то неуютным, холодным, высокомерным. Виталий встретил ее с помпой – лимузин, роскошный букет. Раньше, видя по телевизору звезд, катающихся на лимузинах, Алена мечтала хотя бы раз прокатиться на нем, но теперь длиннющий автомобиль с чопорным салоном подействовал на нее удручающе. Эта крутая тачка словно не могла скрыть своего негодования, оттого, что ее, предназначенную возить знаменитостей и богачей, заставили прислуживать какой-то простушке. Алена чувствовала себя неуютно в просторном салоне, где играла негромкая музыка неопределенного жанра.

Лимузин не спеша катил по улицам и проспектам, Виталий знакомил гостью с достопримечательностями, встречавшимися по пути к его особняку на вновь застраиваемой окраине. Алена рассеянно, без особого восторга поглядывала на новые высотные здания, в то время, когда в ней доминировало единственное желание – покинуть этот негостеприимный салон, оставить эту чванливую машину и пройтись по незнакомому городу пешком.

Виталий почувствовал ее настроение и спросил:

– Что-то не так? Чем недовольна миллиардерша?

На что Алена ответила:

– Все отлично, но нельзя ли нам походить пешком? Мне надоело сидеть и в поезде. И потом, не называй меня миллиардершей. Это глупо. У меня есть имя.

Виталий кивнул, соглашаясь, и велел водителю высадить их в оживленном месте у какого-то супермаркета.

– Отошли машину, – попросила Алена, – Я хочу походить, подышать свежим воздухом.

– Нет проблем, – согласился Виталий, – Походим, так подышим.

Алена рассмеялась этой шутке. Выйдя на тротуар, они взялись под ручки, и двинулись не спеша. День был ясный, но какой-то ветреный, неприветливый. Ветер, непостоянный, рваный, не знал покоя и, поминутно меняя направление, трепал подол дубленки на Алене, а то принимался теревить меховую шапку, водруженную на модную прическу.

Алена шла, плотно прижавшись к Виталию, прикрываясь им от порывов ветра. Ей не нравилось все – и эти высоченные здания разнообразной, местами причудливой архитектуры, глядевшие куда-то за город, словно стесненные собратьями, мечтали вырваться на простор. Мимо несся нескончаемый поток машин, преимущественно иномарки, среди которых шмыгали плебеи «Москвичи» и «Жигули» не первой молодости. Алена уже успела устать от великого множества спешащих людей. Все не нравилось ей, и только шагавший рядом крепкий парень в кожанке оправдывал ее присутствие в этом чужом неуютном городе.

– Это самый большой супермаркет в столице, – говорил Виталий меж тем, – Да что там в столице – во всей республике! А за ней – товарная биржа. Там сосредоточена вся информация обо всех товарах, производимых и реализуемых в стране. Там можно заключить любую сделку, и на любую сумму.

– Ага, я поняла – ваш город славится только своими коммерческими точками, – иронично заметила Алена, скосив глаза на Виталия, – Вот еще один торговый центр. А что за ним? Рынок?

– Как ты угадала? – удивился Виталий, – Ты же говорила, что впервые здесь?

– А что в этом здании? – вместо ответа спросила Алена.

– Агентство недвижимости.

– А там?

– А там – знаменитый косметический салон «Аяулым». Зайдем?

– Тебя не устраивает мой облик? Выгляжу провинциалкой?

Видавший виды, битый парень смутился. Он растерянно протянул:

– Не-е...

И, быстро оправившись, бросил:

– Все о кей!

После чего предложил:

– Зайдем в супермаркет? Я хочу подарить тебе что-нибудь.

– Не стоит! – отрезала Алена, – Лучше походим еще.

– Ладно, как хочешь...

– А где ваши культурные заведения? – спросила Алена, – Или здесь нет музеев, театров?

– Есть, наверное... – неуверенно отвечал Виталий. Затем признался:

– Но, я не знаю, где они находятся.

И добавил, оправдываясь:

– Некогда просто ходить по музеям.

– А казино есть?

– Конечно! – воодушевился Виталий, – И не одно. Вон там, в следующем квартале есть очень шикарный, вечером свожу тебя туда.

– Значит, в музей некогда, а в казино есть время?

Виталий замолчал. А Алена продолжала, и в ее голосе слышались назидательные нотки, словно она уже заимела какие-то права на него:

– Так, я вижу – нам нужно менять образ жизни. Мы очень увлечены материальной стороной в ущерб духовной. Так не годится. Человек должен развиваться гармонично, разносторонне.

«Ничего себе! – возмутился Виталий про себя, – Она распоряжается моей жизнью, будто уже жена мне».

Но вслух не сказал ничего. Он чувствовал, что с появлением этой девушки в его жизни неминуемо все изменится. Он был прирожденным лидером, и до сих пор никому не удавалось оказывать на него какое-либо влияние, кроме, конечно, бабушки, но это все осталось далеко позади, в детстве. Он привык мыслить и действовать по своему усмотрению и разумению, но теперь эта рослая, с уверенными манерами девушка, неизвестно по какому праву, взяла его в свои нежные, мягкие, но вместе с тем источающие силу руки и начала им повелевать.

– А вот наш знаменитый ресторан «Евразия», – произнес Виталий, бодрясь.

– А... – равнодушно скользнула взглядом по фешенебельному зданию Алена, – И, чем же он знаменит?

Виталий в очередной раз смутился. Алена его доконала. Он думал теперь о том, стоит ли говорить, что в этом ресторане кутят столпы столичного бизнеса и крестные отцы мафии.

«Куда бы ее сводить? Где здесь театры? И есть ли они вообще?» – думал он, разглядывая вывески и наружную рекламу, надеясь, что найдется что-либо подходящее. Но его взор наткнулся на рекламу различных товаров и коммерческих фирм и компаний, глаза мозолили различные, штампованные названия магазинов, маркетов, салонов, мастерских и т. п. – «Дана», «Айдана», «Елдана», «Сана», «Пана», и даже – «Гана».

Виталий заметно нервничал. Алена бросала на него насмешливые взгляды. Он впервые ощутил досаду на свой город, устыдился его духовной убогости.

«А может, это я сам такой убогий? – подумал он, – Ведь должны же быть здесь и театры, и музеи, и стадионы!»

Он ухватился за последнее.

– Здесь, поблизости, есть стадион, – сказал он и неуверенно предложил, – Может, сходим туда?

– А что – должен состояться матч? Кто встречается?

Виталию пришлось смутиться в очередной раз. Конечно же, он не был информирован о спортивной жизни города. Он вновь замолчал, и шел, невесело глядя под ноги. Настроение испортилось вконец. Алена тоже не спешила нарушать молчания. Чужой город проживал очередной зимний день, в спешке и суете стараясь успеть сделать все дела. Даже голуби, мешаясь под ногами, искали пропитание, дерясь из-за крошек и просыпанных семечек. Взъерошенные серые воробьи и желтые пташки смело шмыгали среди больших птиц, и, прыгая – взлетая – садясь – перебегая, урывали себе часть корма.

Досаждали многочисленные попрошайки. Какие-то люди с пропитыми лицами – их Алена отшивала сразу, множество инвалидов на колясках – им не рекомендовал подавать Виталий, он был уверен, что это здоровые люди, и что инвалидные коляски – их «средства производства». Наводнившие город люди непонятной азиатской национальности, напоминающие цыган – нельзя было сделать шага, чтобы кто-нибудь не пристал с протянутой рукой или не встретил умоляющим взглядом. Всех обитателей этого каменного леса ждала холодная зимняя ночь, и нужно было любым способом набить зобы любым съестным, чтобы дожить, дотянуть до рассвета, до следующего короткого суматошного дня.

Тем временем Виталий собрался с мыслями и сделал попытку взять ситуацию под контроль. Неожиданно его осенила дельная мысль.

– Алена, хочешь покататься на лыжах?

– На лыжах? – удивилась она.

– Да. Если, конечно, умеешь...

– Эй! За кого ты меня принимаешь? – делано возмутилась Алена, – Не забывай, наш город – лыжная столица республики!

Виталий заулыбался. Он был доволен, что сумел заинтересовать ее хоть чем-то.

Лыжи оказались хорошими, трасса сносной. На базе выдавали всю лыжную амуницию. Алена облачилась в ярко-красный костюм, так ладно сидящий на ней. Она мчалась, как метеор. Виталий, в отрочестве занимавшийся горными лыжами, с трудом держался за спиной девушки, легко бравшей рискованные виражи и крутые трамплины. Горы были великолепны. Снег искрился, взметенный лыжами Алены, стремительное преследование нравящейся с каждой минутой девушки распалило Виталия, и он, поддав ходу, на рискованных скоростях поравнялся с Аленой и взглянул на нее. Она озорно улыбнулась ему и заложила такой умопомрачительный вираж, что он едва не сорвался в штопор, последовав ее примеру. Но ему так и не удалось перегнать ее.

Они катались дотемна, и вернулись на базу в совершенной темноте. Виталий хотел повезти гостью домой, но Алена попросилась остаться, и они, отужинав в ресторане при базе, остались ночевать в тамошнем отеле. Номер, с ее позволения, Виталий снял один. Правда, Алена оговорила:

– Только, чур, спать будем отдельно.

– Ну, естественно... – пробормотал он.

Через некоторое время, расположившись у камина, они завели долгую беседу. Алена рассказала о себе, после чего попросила:

– А теперь ты.

Виталий вздохнул. Он не любил вспоминать детство и отрочество. Но не смог отказать своей новой подруге, вроде бы уже ставшей невестой. Усевшись, как турецкий паша, он начал рассказ о невеселых временах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.